160
Л 79

Н. Лосскій.

Логика проф. А. И. Введенскаго.

377

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
МОСКВА — 1912.

Пров. 195

B.4165
B8eI

7921

Новая форма философскаго критицизма.

(По поводу книги проф. А. И. Введенскаго „Логика, какъ часть теоріи познанія“ [1]).

I. Очеркъ системы.

Безъ сомнѣнія, всѣ любители философіи въ Россіи съ радостью встрѣтили появленіе книги профессора С.-Петербургскаго университета А. И. Введенскаго «Логика, какъ часть теоріи познанія», изданной, наконецъ, въ изложеніи самого профессора, а не по записямъ слушателей. Особенно горячо должны были привѣтствовать эту книгу многочисленные бывшіе и настоящіе ученики почтеннаго профессора, знающіе, что опубликованная имъ система логики есть дѣло всей его жизни. И въ самомъ дѣлѣ, достоинства книги проф. Введенскаго очень велики. Прежде всего необходимо отмѣтить, что разсматриваемая «Логика» есть послѣдовательное выраженіе одной изъ вѣтвей кантіанства, какой это будетъ видно ниже. Какъ бы кто ни относился къ кантіанству, всякій признаетъ, что строго послѣдовательное, до мелочей систематическое осуществленіе логики въ духѣ этого направленія есть подвигъ, содѣйствующій дальнѣйшему развитію философіи, отчетливо вскрывающій сильныя и слабыя стороны кантіанства, хотя бы въ одномъ изъ его развѣтвленій.

Познакомимся прежде всего съ общимъ строеніемъ системы проф. Введенскаго и тогда уже приступимъ къ обсужденію ея достоинствъ и недостатковъ.

Опредѣленіе логики таково: «Логика есть наука о правильномъ мышленіи. Правильнымъ называется мышленіе, пригодное для расширенія знанія» (стр. 1). При этомъ необходимо имѣть

[1]) Второе изданіе. Спб. 1912 г.

въ виду, что логика изслѣдуетъ не пути для *открытій* (стр. 2—4), а только средства для *провѣрки* сдѣланныхъ уже открытій (возникшихъ уже «догадокъ»); другими словами, логика изучаетъ *доказательства*, разумѣя подъ этимъ словомъ «*оправданіе сужденія посредствомъ умозаключеній*» (стр. 115).

Логика есть наука, независимая ни отъ какой другой науки, основанная только на самой себѣ (стр. 5,71). Прежде всего слѣдуетъ отграничить ее отъ психологіи, которая изучаетъ мышленіе безоцѣночно, какъ фактъ, тогда какъ логика «*разсматриваетъ мышленіе только оцѣночнымъ образомъ, оцѣнивая годность каждаго способа мышленія для расширенія знанія*» (стр. 6).

Нельзя не привѣтствовать *намѣреніе* рѣшительно отдѣлить логику отъ психологіи. Какъ извѣстно, устраненіе психологизма изъ логики и гносеологіи есть наиболѣе увлекательная очередная задача философіи. Но проф. Введенскій идетъ еще дальше: его логика стремится быть независимою также и отъ гносеологіи или, вѣрнѣе, быть *первою* частью *гносеологіи* (стр. 39).

Основное значеніе для разсматриваемой системы логики имѣетъ ученіе *о логической связи и логической необходимости*. Логическая связь, согласно опредѣленію проф. Введенскаго, «*есть ничто иное, какъ связь, требуемая законами противорѣчія и исключеннаго третьяго*». На ней основывается логическая необходимость или неизбѣжность: «*логически необходимо то, чего нельзя отрицать безъ появленія противорѣчія въ нашихъ мысляхъ* (само же появленіе противорѣчія становится неизбѣжнымъ въ силу закона исключеннаго третьяго») (стр. 234).

Логическая связь существуетъ между посылками и выводомъ всякаго правильнаго умозаключенія. Примѣромъ можетъ служить силлогизмъ «ртуть—жидкость; а всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, и ртуть упруга». Согласившись съ посылками, приходится согласиться и съ выводомъ: въ противномъ случаѣ «придется считать противорѣчіе осуществленнымъ», и всѣ жидкости упруги, и есть неупругія жидкости (232). Итакъ, обязанность соглашаться съ правильнымъ выводомъ основывается на законѣ противорѣчія, конечно, въ связи съ закономъ исключеннаго третьяго (233).

Логическая связь встрѣчается также «и помимо силлогизмовъ, напр., нерѣдко она бываетъ между двумя понятіями» (234). Такъ, она существуетъ между субъектомъ и предикатомъ ана-

литическаго сужденія; поэтому «всякое аналитическое сужденіе логически необходимо». «*Что же касается синтетическихъ сужденій, то въ нихъ нѣтъ никакой логической необходимости,* т.-е. каждое изъ нихъ можно отрицать безъ всякаго противорѣчія съ содержаніемъ *понятій*, образующихъ данное сужденіе» (234). Конечно, «*не слѣдуетъ смѣшивать логическую необходимость соглашаться съ сужденіемъ съ логической необходимостью самого сужденія*»; «логически необходимо соглашаться съ каждымъ правильно доказаннымъ синтетическимъ сужденіемъ, но въ немъ самомъ нѣтъ никакой логической необходимости» (235).

Законъ противорѣчія и исключеннаго третьяго объясняютъ обязательность вывода, но не даютъ еще отвѣта на вопросъ: «почему выводъ правильныхъ силлогизмовъ долженъ быть такимъ, а не другимъ, и получается только при такихъ, а не другихъ посылкахъ, т.-е. почему лишь нѣкоторые изъ силлогизмовъ оказываются правильными» (231). Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается закономъ достаточнаго основанія, *запрещающимъ* выводы, для которыхъ «нѣтъ никакого *основанія* въ посылкахъ» (напр., ртуть—жидкость, всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, капуста кругла) (235). Наконецъ, на вопросъ, «почему вообще возможны силлогизмы?» (231) отвѣчаетъ законъ тожества; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *мышленіе подчинено такому закону, что отождествляетъ съ ней самой всякую мысль (понятіе и сужденіе), сколько бы разъ она ни повторялась, и въ связи съ какими бы мыслями ни встрѣчалась она въ нашемъ сознаніи*» (239).

Законъ тожества и исключеннаго третьяго принадлежатъ къ числу *естественныхъ* законовъ мышленія. Законъ достаточнаго основанія—*нормативный* (245—249).

Что же касается закона противорѣчія, проф. Введенскій считаетъ его естественнымъ для представленій и нормативнымъ для мышленія, полагая, что противорѣчіе неосуществимо лишь въ въ представленіяхъ, но не въ мышленіи. Мы понимаемъ названіе «круглый квадратъ», слѣдовательно, «мы мыслимъ обозначаемое имъ понятіе, хотя въ немъ несомнѣнно содержится противорѣчіе». Отсюда вытекаетъ, что «*мышленіе само по себѣ еще не подчиняется закону противорѣчія, но лишь приводится къ этому подчиненію нашими стараніями и усиліями*» (252).

Изложенное ученіе о логическихъ законахъ мышленія и роли ихъ въ умозаключеніи приводитъ къ важнымъ гносеологическимъ

слѣдствіямъ. Такъ какъ обязательность вывода въ правильномъ умозаключеніи обусловлена, между прочимъ, закономъ противорѣчія, то пользоваться умозаключеніями «*умѣстно и логически позволительно только въ примѣненіи къ такимъ предметамъ, относительно которыхъ мы уже знаемъ, что они подчинены закону противорѣчія*» (262).

Какіе же это предметы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ. «Относительно любого представленія, какое бы ни пришло намъ въ голову, мы тотчасъ же удостовѣряемся, что *въ немъ* противорѣчія, дѣйствительно, неосуществимы, что *оно*, дѣйствительно, подчинено закону противорѣчія, какъ своему естественному закону (см. выше стр. 251). Но *у насъ нѣтъ никакихъ средствъ удостовѣриться, что закону противорѣчія подчинено также и истинное бытіе, т.-е. вещи въ себѣ*. Вѣдь изъ того, что противорѣчіе *непредставимо*, т.-е. неосуществимо въ *представленіяхъ*, разумѣется еще нельзя дѣлать ровно никакихъ заключеній о бытіи, какъ оно существуетъ само по себѣ, *независимо* отъ нашихъ *представленій*, т.-е. независимо отъ того, *представляется* ли оно нами и какимъ именно» (263). Слѣдовательно, «*умозаключенія умѣстны и логически позволительны только въ примѣненіи къ нашимъ представленіямъ о бытіи или о вещахъ, т.-е. только въ примѣненіи къ тому, какъ намъ представляются бытіе или вещи, но отнюдь не въ примѣненіи къ истинному бытію или къ вещамъ въ себѣ*» (264).

Изъ этого ученія о границахъ «логически позволительнаго употребленія умозаключеній» вытекаютъ два важныя слѣдствія, одно—для математики и естествознанія, другое—для метафизики. Математика и естествознаніе невозможны безъ опосредствованнаго знанія. Поэтому, «*если мы считаемъ математику и естествознаніе* (за вычетомъ какихъ бы то ни было гипотезъ, но съ присоединеніемъ къ нимъ всѣхъ наукъ о данныхъ опыта: и психологіи, и лингвистики, и т. д.) *знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы* (*и пространство, и время, и всѣ данныя опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго*) *не вещами въ себѣ, не самимъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ* (*представленій*), *правда, многія* (именно—данныя внѣшняго опыта) *кажутся существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами, или нѣтъ*» (265).

Эту же мысль можно выразить иначе, пользуясь словами «субъективный» и «объективный» или «транссубъективный» и опредѣляя ихъ слѣдующимъ образомъ: «*субъективнымъ называется все, что входитъ въ составъ душевной жизни;* таковы, напр., боль, наслажденія, представленія, какъ произвольныя, такъ и невольныя и т. д. *Объективнымъ же, иначе—транссубъективнымъ, называется все, что существуетъ само по себѣ, независимо отъ того, существуетъ ли душевная жизнь, или же ея нѣтъ*» (267).

Въ этихъ терминахъ предыдущая мысль получаетъ слѣдующее выраженіе: «*если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то всѣ изучаемые ими предметы, т.-е. всѣ данныя опыта, не только внутреннюю, но и внѣшнюю, включая въ нихъ и пространство съ временемъ, логически обязаны считать субъективными, хотя часть ихъ кажется объективными или транссубъективными*» (268). Нужно, однако, имѣть въ виду слѣдующее: «нѣтъ никакого доказательства, что математика и естественныя науки съ логической необходимостью *должны* считаться знаніемъ. Здѣсь дѣло ограничивается исключительно выясненіемъ условія, при которомъ онѣ имѣютъ логическое *право называться знаніемъ*» (266).

Второе слѣдствіе изъ ученія о логическихъ законахъ мышленія относится къ метафизикѣ. Эта наука, изучая истинное, а не только кажущееся, только представляющееся намъ бытіе, принуждена «состоять только изъ *опосредствованнаго* знанія» (269), т.-е. изъ умозаключеній. Но умозаключенія не позволительны въ отношеніи къ тому, что не есть представленіе. Слѣдовательно, «*если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то все содержаніе такого доступнаго намъ знанія, которое хоть какъ-нибудь, да касалось бы истиннаго бытія (иначе—вещей въ себѣ, ноуменовъ), логически вынуждено ограничиваться только такимъ, чисто гносеологическимъ, а вовсе не метафизическимъ положеніемъ: объ истинномъ бытіи мы ничего не знаемъ и не можемъ знать ничего другого, кромѣ этой невозможности знанія о немъ, да еще, кромѣ того, что въ видѣ вѣры можно смѣло, безъ всякаго опасенія быть опровергнутымъ со стороны знанія, проповѣдывать объ истинномъ бытіи (иначе о вещахъ въ себѣ, о ноуменахъ) все, что хотимъ*» (269).

Въ защиту метафизики можно возразить, какъ это дѣлаетъ, напр., интуитивизмъ Н. О. Лосскаго, что истинное бытіе дано

въ опытѣ, какъ содержаніе представленія, такъ что метафизикѣ вовсе не приходится быть только опосредствованнымъ знаніемъ [1]). Въ этомъ утвержденіи проф. Введенскій находитъ противорѣчія (стр. 271, 274, 445) и потому остается при своемъ мнѣніи, что метафизика вся сплошь принуждена состоять только изъ опосредствованнаго знанія. Какъ именно проф. Введенскій защищается противъ моего интуитивизма, объ этомъ будетъ сказано ниже.

Перечисленные гносеологическіе выводы совпадаютъ, по словамъ проф. Введенскаго, съ выводами Канта, но получены «другими путями», и «совершенно независимо отъ употребляемыхъ имъ доказательствъ» (273). Въ самомъ дѣлѣ, проф. Введенскій пришелъ къ своему взгляду на математику и естествознаніе, а также на метафизику, исходя изъ своего ученія о логическихъ законахъ мышленія и не пользуясь еще ученіемъ объ апріорныхъ синтетическихъ сужденіяхъ (см. гл. XVII, § 16 «Сохраненіе всей силы нашихъ дополненій къ гносеологіи Канта, даже независимо отъ ученія объ апріорныхъ сужденіяхъ»).

Ученіе объ апріорныхъ синтетическихъ сужденіяхъ есть второй путь для полученія тѣхъ же выводовъ. Къ нему проф. Введенскій подходитъ также изъ логики, именно изъ ученія о способахъ доказательства общихъ синтетическихъ сужденій. На эти сужденія «Логика, какъ часть теоріи познанія» обращаетъ преимущественное вниманіе, такъ какъ только синтетическія сужденія расширяютъ знаніе, при чемъ наибольшее значеніе для знанія имѣютъ *общія* синтетическія сужденія (гл. V, стр. 83—89). Какъ могутъ быть оправданы эти сужденія, вотъ вопросъ, интересующій проф. Введенскаго на всемъ протяженіи его «Логики». Простою установкою данныхъ опыта можно получить только *единичныя* и *частныя* сужденія, а общее синтетическое сужденіе никогда и ни въ какомъ случаѣ, полагаетъ проф. Введенскій, такимъ способомъ получено быть не можетъ, такъ какъ относится къ безконечно большому или неопредѣленно большому числу предметовъ (116).

Отсюда слѣдуетъ, что общія синтетическія сужденія могутъ быть оправданы только *опосредствованнымъ* путемъ, т.-е. не иначе,

---

[1]) См. мою статью „Основательно ли Новое и легкое доказательство философскаго критицизма“? Жур. Мин. Нар. Просв. 1909 г., № 7.

какъ съ помощью умозаключеній. Но каковы должны быть посылки, изъ которыхъ получаются общіе синтетическіе выводы? Пересмотрѣвъ тѣ модусы силлогизмовъ и непосредственныхъ умозаключеній, которые даютъ въ выводѣ общія сужденія, проф. Введенскій доказываетъ, что «*общій синтетическій выводъ можетъ быть правильно полученъ только изъ такихъ посылокъ, среди которыхъ есть, хоть одна, общая синтетическая; изъ однихъ же аналитическихъ посылокъ нельзя правильно получить общій синтетическій выводъ*» (216).

Индуктивныя доказательства не составляютъ исключенія изъ этого правила: въ нихъ общій синтетическій выводъ (доказываемый законъ природы) устанавливается съ помощью принципа единообразія природы, который принадлежитъ къ числу общихъ синтетическихъ сужденій (328).

Итакъ, чтобы доказать общее синтетическое сужденіе, нужно *уже имѣть* въ качествѣ посылки хоть одно общее синтетическое сужденіе; въ свою очередь, если мы хотимъ доказать и это сужденіе, нужно прибѣгнуть къ умозаключенію, въ числѣ посылокъ котораго было бы хоть одно общее синтетическое сужденіе, и т. д. Такъ какъ этотъ процессъ не можетъ итти въ безконечность (стр. 349), то ясно, что для доказыванія общихъ синтетическихъ сужденій необходимо имѣть въ запасѣ большее или меньшее количество общихъ синтетическихъ сужденій, не оправданныхъ никакъ и допущенныхъ въ системѣ знанія только въ виду ихъ завѣдомой годности служить (наряду съ опредѣленіями и данными опыта) послѣдними или высшими основаніями знанія (стр. 149).

Отсюда вытекаетъ слѣдующее: «*если взять все допускаемое нами, въ видѣ математики и естественныхъ наукъ* (въ широкомъ смыслѣ слова), *опосредствованное знаніе въ его цѣломъ, то окажется, что въ основѣ его лежатъ, кромѣ данныхъ опыта и опредѣленій, еще большая или меньшая группа такихъ общихъ синтетическихъ сужденій, при прямой или косвенной помощи которыхъ, т.-е. употребляя ихъ въ видѣ высшихъ основаній, можно доказать все опосредствованное знаніе, но которыя сами принуждены оставаться недоказанными, а принятыми не только безъ всякихъ доказательствъ въ данное время, но даже и безъ всякой надежды на возможность доказать ихъ когда либо*» (348). Такія сужденія, недоказуемыя и однако завѣдомо годныя служить высшими

основаніями математики и естествознанія, проф. Введенскій называетъ *апріорными*.

Теперь возникаетъ новый чрезвычайно важный вопросъ. При какихъ условіяхъ апріорныя сужденія могутъ быть дѣйствительно завѣдомо годными для знанія, т.-е. «*окажутся согласными со всею совокупностью предметовъ, изучаемыхъ при помощи этихъ сужденій*» (367). Это согласіе можетъ быть обезпечено только въ томъ случаѣ, если апріорныя сужденія «*принуждаютъ предметы, изучаемые при ихъ помощи, подчиняться имъ, какъ законамъ, управляющимъ этими предметами*» (стр. 369).

Отсюда (если къ тому же допустить «вмѣстѣ съ Кантомъ», что вещи въ себѣ подчинены логическимъ законамъ мышленія) вытекаютъ три слѣдствія, крайне важныхъ для вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія.

Первое слѣдствіе: *Если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы* (*и пространство, и время и всѣ данныя опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, т.-е. даже самихъ себя, свое «Я» и все то, что сознается нами, какъ происходящее въ нашей собственной душевной жизни*) *не вещами въ себѣ, не самимъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ* (*представленій*), *правда, многія* (именно—данныя внѣшняго опыта, а также пространство и время) *кажутся намъ не субъективными, каковы они въ дѣйствительности, а транссубъективнымъ бытіемъ, т.-е. существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами или нѣтъ*» (стр. 371). Это слѣдствіе профессоръ Введенскій обосновываетъ тѣмъ соображеніемъ, что наши сужденія суть наши мысли, а потому они «*могутъ приводить къ согласію съ ними, принуждать быть такими, какъ въ нихъ говорится, только наши же мысли, наши представленія о бытіи или вещахъ, но отнюдь не само истинное бытіе, не вещи въ себѣ, только явленія, феномены, а не ноумены*» (371).

Второе слѣдствіе изъ тѣхъ же предположеній состоитъ въ томъ, что «*вещи въ себѣ или истинное бытіе должны считаться исключительно трансценденгными, а отнюдь не имманентными*» (373). Избѣгнуть этого вывода можно, по мнѣнію проф. Введенскаго, только путемъ внесенія противорѣчія въ понятіе истиннаго бытія, именно только путемъ утвержденія, что истинное

бытіе *и зависимо* отъ нашихъ мыслей *и не зависимо* отъ нихъ (стр. 371); это противорѣчіе, по мнѣнію проф. Введенскаго, присуще моему интуитивизму (373). Если же признать, что мы не имѣемъ основаній утверждать подчиненіе истиннаго бытія логическимъ законамъ мышленія (такъ что истинное бытіе могло бы быть противорѣчивымъ), то въ такомъ случаѣ, какъ это было выяснено выше, (въ главѣ XIII, стр. 271—272), о вещахъ въ себѣ нельзя рѣшить даже вопроса, трансцендентны ли онѣ или имманентны (374).

Наконецъ, въ третьихъ, изъ тѣхъ же предположеній слѣдуетъ, что примѣненіе апріорныхъ сужденій къ вещамъ въ себѣ было бы явнымъ произволомъ (374).

Изъ этихъ трехъ слѣдствій «вытекаетъ полная невозможность метафизики въ видѣ знанія» (375): непосредственнымъ знаніемъ она не можетъ быть въ силу второго слѣдствія, а опосредствованнымъ—въ силу третьяго слѣдствія.

Если бы даже, наряду съ произвольнымъ допущеніемъ, что истинное бытіе подчинено логическимъ законамъ мышленія, мы сдѣлали еще одно произвольное допущеніе, что оно подчинено также апріорнымъ сужденіямъ, прежде всего принципу причинности, то и тогда метафизика ничего не выиграла бы: вслѣдствіе трансцендентности истиннаго бытія она оказалась бы «возможной всего лишь въ видѣ гипотезъ» (379).

Эти гипотезы неравноцѣнны съ имманентными гипотезами, такъ какъ ни при какихъ условіяхъ не могутъ быть превращены въ достовѣрное знаніе и ни одна изъ нихъ не имѣетъ большей степени вѣроятности, чѣмъ другая (380—396); поэтому *метафизическія гипотезы позволительны въ составѣ знанія* (о вѣрѣ пока еще умалчиваемъ), *какъ всего лишь рабочія* (т.-е. какъ всего лишь вспомогательное *средство* или вспомогательное *орудіе* для разработки знанія)» (380).

Впрочемъ, въ составѣ научно-разработаннаго міровоззрѣнія метафизика можетъ и должна найти себѣ мѣсто, но не въ видѣ знанія, а въ видѣ морально обоснованной *вѣры* (434—438).

Свою систему проф. Введенскій опредѣляетъ, какъ философскій критицизмъ, и видитъ въ ней дальнѣйшее развитіе гносеологіи Канта, во первыхъ, путемъ *углубленія* ея съ помощью ученія о логическихъ законахъ мышленія и, во вторыхъ, путемъ *дополненій* къ ней, которыя перечислены въ главѣ XVII

и состоятъ, главнымъ образомъ, изъ новыхъ доводовъ противъ возможности метафизики, какъ науки. Кромѣ тѣхъ дополненій, которыя перечислены въ XVII главѣ, мы бы указали еще на интересныя и цѣнныя для системы критической философіи изслѣдованія проф. Введенскаго объ аналитическихъ сужденіяхъ, о свойствахъ раціональнаго знанія, доказательство положенія, что общій синтетическій выводъ можетъ быть полученъ только въ томъ случаѣ, если среди посылокъ есть хоть одно общее синтетическое сужденіе, и т. п. Независимо отъ того, соглашаемся ли мы съ системою проф. Введенскаго или нѣтъ, нельзя не признать большой цѣнности осуществленнаго имъ построенія, поскольку существеннымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія философіи служитъ продумываніе до конца, изживаніе основныхъ философскихъ направленій столь важныхъ, какъ критицизмъ, необходимое, чтобы вскрыть, что въ нихъ жизненно, и что должно умереть. Кромѣ этой заслуги, трудъ проф. Введенскаго имѣетъ право на серьезное вниманіе еще въ виду большого количества цѣнныхъ частностей, особенно въ области логики, сохраняющихъ значеніе независимо отъ согласія съ системою въ цѣломъ. Такъ, проф. Введенскій дѣлитъ всѣ правила силлогизмовъ на видныя заранѣе и не видныя заранѣе и, подчеркивая, что вторыя (между прочимъ, особыя правила каждой фигуры) суть простое слѣдствіе первыхъ, открываетъ путь для упрощеннаго изложенія ученія о силлогизмѣ; далѣе, правило «хоть одна изъ посылокъ должна быть общею» доказано *послѣ* особыхъ правилъ каждой фигуры; даны доказательства правилъ качества и количества выводовъ въ каждой фигурѣ силлогизма, установлена сводимость первой фигуры на остальныя, а также сводимость вообще каждой фигуры на любую другую фигуру, и т. п. и т. п. Особенно цѣнны упрощенія, произведенныя проф. Введенскимъ въ изложеніи индуктивныхъ методовъ, а также точное опредѣленіе относительности и модальности выводовъ, получаемыхъ съ помощью каждаго изъ простыхъ индуктивныхъ методовъ.

Укажемъ здѣсь же на нѣкоторые частные недостатки разсматриваемой логики, не стоящіе въ замѣтной связи съ философскою системою автора. Объясненія нѣкоторыхъ изъ заранѣе видныхъ правилъ (напр., правила качества выводовъ на стр. 189), имѣющія цѣлью сдѣлать ихъ «понятными», въ дѣйствительности сводятся къ повторенію правила другими словами. Въ теоріи

индуктивныхъ доказательствъ ученіе о методахъ Милля развито сначала въ примѣненіи къ причиннымъ связямъ, а затѣмъ на стр. 322 перенесено на доказательства любыхъ законосообразныхъ связей на томъ основаніи, что свойства рода принадлежатъ всякому подчиненному ему виду, между тѣмъ какъ на той же страницѣ показано, что понятіе причинной связи есть видовое въ отношеніи къ понятію законосообразной связи.

Поводомъ къ недоразумѣніямъ можетъ служить также слѣдующая неполнота въ теоріи индуктивныхъ умозаключеній. Утверждая, что въ числѣ основаній всякаго индуктивнаго доказательства лежитъ принципъ единообразія природы, проф. Введенскій изображаетъ строеніе ихъ такъ, что каждое доказательство, состоящее изъ однократнаго примѣненія простого индуктивнаго метода, легко могло бы быть понято, какъ силлогизмъ первой фигуры; этого ученія однако проф. Введенскій не высказываетъ и вообще обходитъ совершеннымъ молчаніемъ важный и трудный вопросъ о томъ, существуютъ ли индуктивныя *умозаключенія*, какъ особый съ формально-логической точки зрѣнія видъ умозаключеній.

II. Критика логики.

Что представляетъ собою, по ученію проф. Введенскаго, система знаній, накопленныхъ математикою и естественными науками? Она есть цѣлое, состоящее изъ двухъ частей: съ одной стороны находятся высшія основанія—апріорныя сужденія, опредѣленія и данныя опыта, а съ другой стороны все, что доказано съ помощью этихъ основаній—теоремы, законы природы, примѣненія законовъ для предсказаній и т. п. *Внутри* этой системы вторая часть *логически обоснована* первою, такъ какъ логически необходимо принять ее, если допущены указанныя основанія. Но въ цѣломъ система знаній лишена логическаго обоснованія, такъ какъ опирается, между прочимъ, на апріорныя сужденія, которыя по теоріи проф. Введенскаго *внутри себя*, какъ синтетическія, не содержатъ никакой логической необходимости, и извнѣ также не опираются на логическую необходимость, такъ какъ *ничѣмъ не доказаны и не доказуемы*.

Эти сужденія вовсе не принадлежатъ къ числу такихъ, которыя были бы «понятны сами собою» (стр. 410); сомнѣніе въ нихъ

«не содержитъ въ себѣ никакой явной нелѣпости» (стр. 143); поэтому можно замѣнить аксіому противоположнымъ ей сужденіемъ, вывести изъ него систему слѣдствій и получить новую науку, какъ это сдѣлалъ, напр., Лобачевскій, построившій новую «систему геометріи, которая *нигдѣ не запутывается въ противорѣчіяхъ*, т.-е. оказывается не менѣе возможной и мыслимой, а потому и не менѣе допустимой, чѣмъ геометрія Эвклида» (стр. 144). Не значитъ ли это, что система знанія основывается на вѣрѣ и, слѣдовательно, сама въ цѣломъ есть видъ вѣры? Безъ сомнѣнія, такъ приходится истолковать разсматриваемую теорію науки. Однако, проф. Введенскій рѣшительно протестуетъ противъ этого вывода, говоря, что онъ основанъ на «обывательскомъ» опредѣленіи вѣры, согласно которому область вѣры слагается «изъ мыслей, хотя и недоказанныхъ, а все-таки сопровождаемыхъ увѣренностью въ ихъ истинности» (стр. 420). «Гораздо точнѣе будетъ сказать», говоритъ проф. Введенскій, «*что вѣрой называется остатокъ, получаемый чрезъ вычитаніе всего, что принадлежитъ къ составу знанія, изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности*» (стр. 421).

Чтобы этотъ «остатокъ» сдѣлался хоть сколько-нибудь опредѣленнымъ, необходимо указать, что называется знаніемъ. Эту задачу почтенный профессоръ выполняетъ, прибѣгая къ новому понятію «логическаго мотива»: «*къ знанію принадлежатъ только такія мысли, увѣренность въ истинности которыхъ не поддерживается ровно ничѣмъ, кромѣ логическихъ мотивовъ. Логическіе же мотивы, какъ видно изъ всего предшествующаго изложенія, сводятся, кромѣ логическихъ законовъ мышленія, только къ даннымъ опыта, взятымъ въ ихъ чистомъ видѣ, и апріорнымъ сужденіямъ*» (стр. 421).

Изъ этого опредѣленія вытекаетъ, что къ области знанія относятся теоремы, законы природы, примѣненіе ихъ для предсказаній и т. д., но въ немъ вовсе не указано, что сами «логическіе мотивы» входятъ въ составъ знанія. Повидимому, предвидя это возраженіе, проф. Введенскій разсуждаетъ далѣе (на стр. 426), слѣдующимъ образомъ: «если подъ словомъ «вѣра» подразумѣвать остатокъ, получаемый чрезъ вычитаніе всего, что принадлежитъ къ составу знанія, изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности (см. стр. 421), то апріорныя сужденія не могутъ называться вѣрой; ибо, входя въ составъ знанія, какъ его высшія осно-

ванія, они вмѣстѣ съ нимъ окажутся вычтенными изъ этой совокупности мыслей, когда мы путемъ такого вычитанія отыскиваемъ, какія изъ нихъ образуютъ вѣру».

Это разсужденіе подобно слѣдующему: тѣла дѣлятся на организованныя (организмы) и неорганизованныя; неорганизованными тѣлами называется остатокъ, получаемый послѣ вычитанія организованныхъ тѣлъ изъ всего класса тѣлъ; вода принадлежитъ къ классу *организованныхъ* тѣлъ, потому что она *необходима* для питанія организованныхъ тѣлъ, и вмѣстѣ съ ними окажется вычтенною изъ класса тѣлъ, когда мы путемъ такого вычитанія отыскиваемъ, какія тѣла суть неорганизованныя.

Впрочемъ, не будемъ пускаться въ спорный и трудный вопросъ о различіи между вѣрою и знаніемъ. Ограничимся только слѣдующею безспорною характеристикою: согласно теоріи проф. Введенскаго, система математики и естествознанія въ цѣломъ лишена логической необходимости, такъ какъ въ основѣ ея лежатъ недоказуемыя синтетическія сужденія, которыя, какъ всѣ синтетическія сужденія, не содержатъ *въ себѣ* никакой логической необходимости. Правда, проф. Введенскій полагаетъ, что апріорныя сужденія логически необходимо допустить въ составъ знанія, если признать, что математика и естествознаніе суть знаніе. Однако, само утвержденіе, что математика и естествознаніе суть знаніе, ставится проф. Введенскимъ всегда или условно, какъ это видно изъ предыдущихъ цитатъ, или въ качествѣ факта, лишеннаго какой бы то ни было логической необходимости [1]). Такъ оцѣнивать систему знанія неизбѣжно долженъ философъ, не находящій никакой логической необходимости *внутри синтетическаго сужденія* и усматривающій ее лишь въ связяхъ, основанныхъ на законѣ противорѣчія.

Въ самомъ дѣлѣ, противорѣчіе, какъ критерій истины, есть всегда нѣчто вторичное, производное: въ системѣ синтетическихъ сужденій оно можетъ руководить критикою знанія не иначе, какъ *въ отношеніи* къ ранѣе уже принятому въ составъ знанія синтетическому сужденію или группѣ сужденій. Такія основныя синтетическія сужденія, которымъ нельзя противорѣчить, очевидно, сами не могутъ основываться на законѣ противорѣчія; поэтому, по теоріи проф. Введенскаго, не

---

[1]) См., напр., стр. 36 и др., особенно стр. 266.

содержа также и *внутри себя* никакой логической необходимости, они могутъ быть отвергнуты безъ всякой явной нелѣпости (стр. 143). Когда подумаешь, что такой оцѣнкѣ подвергаются даже и столь основныя синтетическія сужденія, какъ «2 + 2 = 4» [1]), то начинаешь думать, что вѣдь въ концѣ-концовъ можно было бы утверждать и какую-либо противорѣчивую мысль, упрямо настаивая на томъ, что она не содержитъ въ себѣ никакой явной нелѣпости, т.-е. *не есть ничто логически недопустимое*. Правильнѣе однако будетъ, если мы усомнимся въ томъ, вѣрна ли теорія проф. Введенскаго, именно усомнимся, чтобы можно было построить систему логики, пользуясь лишь узкимъ понятіемъ аналитической необходимости (такъ мы условимся называть для краткости необходимость, основанную на законѣ противорѣчія, и ниже оправдаемъ это названіе) и не установивъ понятія *синтетической* логической необходимости, которая могла бы связывать субъектъ и предикатъ такого сужденія, какъ «2 + 2 = 4».

Понятіе синтетической логической необходимости стало развиваться въ гносеологіи благодаря Канту, но въ логику оно начало проникать только въ ближайшее къ намъ время. Разсматривая исторію развитія этихъ наукъ, нетрудно замѣтить, что препятствіемъ для признанія логической необходимости синтетическихъ сужденій всегда служилъ психологизмъ, превращающій даже содержаніе математическихъ сужденій только въ послѣдовательность психическихъ процессовъ. Яркимъ примѣромъ можетъ служить Милль и его разсужденія объ истинѣ «три есть два и одинъ», какъ о выраженіи *послѣдовательности впечатлѣній*, производимыхъ на внѣшнія чувства собраніями вещей [2]).

Не содержитъ ли въ себѣ скрытаго психологизма также и «Логика» проф. Введенскаго, рѣзко отрицающая синтетическую логическую необходимость?

Оберечься отъ психологизма на всемъ протяженіи своихъ изслѣдованій по логикѣ можетъ лишь тотъ философъ, который нашелъ точный критерій для разграниченія логики и психоло-

---

[1]) Такія сужденія принадлежатъ къ числу синтетическихъ, какъ это доказано Кантомъ въ „Критикѣ чист. раз.“, стр. 32, перев. Н. Лосскаго.

[2]) „Система логики“, кн. II, гл. VI, § 2.

гіи. Посмотримъ, какъ различаетъ эти двѣ науки проф. Введенскій.

Психологія, говоритъ проф. Введенскій, изучаетъ мышленіе «просто какъ данные въ опытѣ факты», *безоцѣночнымъ* образомъ, а логика и гносеологія (гносеологія, по крайней мѣрѣ, въ своихъ главныхъ частяхъ) изучаютъ мышленіе «только» *оцѣночнымъ* образомъ, такъ что у всѣхъ этихъ наукъ одинъ и тотъ же предметъ, но разсматриваютъ-то онѣ его съ *разныхъ точекъ зрѣнія* (стр. 6, 360). Предметъ ихъ, мышленіе, сплошь состоитъ только изъ *душевныхъ явленій* или элементовъ ихъ, какъ это видно уже изъ контекста на стр. 6 и какъ это установлено окончательно гносеологіею проф. Введенскаго, утверждающаго, что все познаваемое есть не болѣе, какъ явленія душевной жизни.

Послѣ этого разъясненія нетрудно показать, что согласно собственнымъ опредѣленіямъ проф. Введенскаго выходитъ, будто логика и гносеологія сплошь основываются на психологіи. Въ самомъ дѣлѣ логическая и гносеологическая оцѣнка относится не къ какому-то нолю, а къ мышленію, именно къ свойствамъ или законамъ мышленія, которые раньше, чѣмъ подвергнуться оцѣнкѣ со стороны ихъ годности для расширенія знанія, должны быть установлены безоцѣночнымъ образомъ.

Такъ, напр., ученіе о логической позволительности умозаключеній лишь въ отношеніи къ нашимъ представленіямъ о бытіи, а не въ примѣненіи къ истинному бытію основано на томъ, что *законъ противорѣчія есть законъ естественный только для представленій, но не для мышленія*. Изслѣдованіе, устанавливающее это свойство закона противорѣчія, само по себѣ имѣетъ, конечно, безоцѣночный характеръ, слѣдовательно, согласно собственнымъ опредѣленіямъ проф. Введенскаго, оно относится къ психологіи, и то, что оно использовано впослѣдствіи въ гносеологіи для ученія о позволительности умозаключеній, не выдѣляетъ его изъ области психологіи, а только показываетъ, что проф. Введенскій принужденъ считать свою гносеологію основанною на психологіи. Пояснить сказанное можно съ помощью слѣдующей аналогіи: представимъ себѣ, что психологія установила законъ «гнѣвъ приводитъ къ спутанности сознанія», а этика, имѣя въ виду это свойство гнѣва, признаетъ поведеніе человѣка, поддающагося безъ борьбы гнѣву, предосудительнымъ; очевидно, такая оцѣнка гнѣва немыслима безъ знанія психологіи гнѣва.

Не только гносеологія, но и вся логика проф. Введенскаго полна безоцѣночныхъ изслѣдованій о свойствахъ различныхъ способовъ мышленія, и результаты этихъ изслѣдованій въ связи съ оцѣночными посылками служатъ основаніемъ оцѣнки годности различныхъ способовъ мышленія для расширенія знанія. Законъ исключеннаго третьяго, очевидно, не содержитъ въ себѣ никакой оцѣнки. Законъ тожества не только не содержитъ въ себѣ никакой оцѣнки, но даже и самъ проф. Введенскій считаетъ его психологическимъ, а между тѣмъ на немъ основывается самая возможность силлогизмовъ (стр. 232, 239).

Разсмотримъ, наконецъ, любое разсужденіе слѣдующаго типа: умозаключенія, дающія въ выводѣ аналитическое сужденіе, не пригодны для расширенія знанія; умозаключенія, состоящія изъ однѣхъ лишь аналитическихъ посылокъ, даютъ въ выводѣ аналитическое сужденіе; слѣдовательно, такія умозаключенія не пригодны для расширенія знанія. Въ этомъ разсужденіи меньшая посылка (вторая) безоцѣночна; слѣдовательно, она получена, по теоріи проф. Введенскаго, изъ психологіи. Разсужденія въ родѣ приведеннаго наполняютъ всякую систему логики; въ нихъ безоцѣночныя посылки содержатъ въ себѣ выраженіе важнѣйшихъ законовъ, установленіе которыхъ и составляетъ главную и труднѣйшую задачу логики, а оцѣнка присоединяется къ нимъ, какъ самое легкое дѣло [1]). Стоитъ только замѣтить это, чтобы признать, что проф. Введенскій не нашелъ, въ чемъ заключается разница между психологіею и логикою, и не объяснилъ, какимъ образомъ логика и гносеологія строятся *независимо* отъ психологіи. Это и понятно; если бы мышленіе сплошь было только психическимъ процессомъ, то тогда никакими способами нельзя было бы разграничить по существу психологію и логику. Многіе кантіанцы, замѣтивъ, что это науки глубоко различныя, но придерживаясь традиціоннаго ученія о сознаніи, какъ совокупности только психическихъ процессовъ въ познающемъ индивидуумѣ, безплодно бились надъ вопросомъ, какъ объяснить разницу между ними. Сходно съ проф. Введенскимъ разсуждалъ, напр., Когенъ въ то давно прошедшее время, когда онъ былъ кантіанцемъ и писалъ Kants Theorie der Erfahrung (2. изд. 1885 г.).

---

[1]) Этотъ характеръ логики превосходно очерченъ *Гуссерлемъ* въ его „Логическихъ изслѣдованіяхъ", I т., перев. под. ред. С. Франка.

Нельзя не быть благодарнымъ проф. Введенскому, вступившему на этотъ путь: благодаря прозрачности мысли въ его «Логикѣ» нетрудно показать, что этотъ способъ разграниченія логики, гносеологіи и психологіи не ведетъ къ цѣли.

Различіе между этими науками безконечно болѣе глубоко; онѣ изучаютъ не одинъ и тотъ же предметъ, а два разные предмета. Словомъ мышленіе обозначается сложное цѣлое, состоящее, съ одной стороны, изъ психической дѣятельности индивидуума (напр., изъ дѣятельности сравненія), а, съ другой стороны, изъ того, на что́ эта дѣятельность направлена (изъ мыслимаго посредствомъ мышленія), и что вовсе не обязано быть психическимъ, но можетъ принадлежать къ любому царству бытія, можетъ даже быть идеею въ платоновскомъ смыслѣ (напр., идеею числа три). Первая сторона мышленія (актъ мышленія) *субъективна*, а вторая (мыслимое, т.-е. предметъ и содержаніе мышленія)—объективна [1]). Психологія изучаетъ субъективную психологическую сторону мышленія, а гносеологія — объективную сторону его. При этомъ въ объективной сторонѣ сужденія для гносеологіи имѣетъ наибольшее значеніе *идеальная* (въ платоновскомъ смыслѣ) часть его субъективной стороны (количество, функціональная зависимость и т. п., однимъ словомъ, все то, благодаря чему реальный міръ имѣетъ характеръ *системы*), а логика, можно сказать, исключительно имѣетъ дѣло съ *идеальною* стороною сужденія.

Нерѣдко проф. Введенскій такъ излагаетъ логику, какъ будто самъ примыкаетъ къ приведенному выше различенію субъективной психической и объективной непсихической стороны мышленія (см., напр., стр. 9), однако, это дѣлается, очевидно, безотчетно; философъ, дѣйствительно признающій такое разграниченіе, не утверждалъ бы, что логика и психологія имѣютъ *одинъ и тотъ же* предметъ изслѣдованія, не пришелъ бы въ своей гносеологіи къ выводу, что этотъ предметъ состоитъ исключительно изъ *душевныхъ* явленій, и въ особенности не утверждалъ

---

[1]) Она можетъ быть и транссубъективною (когда мыслимое, напр., есть паденіе камня) и субъективною (когда мыслимое есть моя радость и т. п.). Мы, конечно, не считаемъ синонимами термины „объективный“ и „транссубъективный“, какъ это дѣлаетъ проф. Введенскій на стр. 267. Подробное разъясненіе, сдѣланныхъ различеній см. въ моемъ „Введеніи въ философію“, стр. 231—252.

бы, что логика есть «только» оцѣночная наука. Выслушавъ приведенныя мною замѣчанія въ засѣданіи Спб. философскаго Общества, проф. Введенскій заявилъ, что они легко будутъ устранены въ третьемъ изданіи книги путемъ вычеркиванія слова «только» (на 6 стр.), т.-е. путемъ признанія, что логика изучаетъ мышленіе отчасти безоцѣночно, отчасти оцѣночно. На дѣлѣ отъ этого положеніе нисколько не улучшится. Выдѣливъ изъ состава логики безоцѣночныя изслѣдованія мышленія и поставивъ ихъ рядомъ съ психологическими безоцѣночными изслѣдованіями мышленія, по какому признаку узнаю я, что̀ принадлежитъ логикѣ и что̀ психологіи? Какой бы отвѣтъ ни былъ данъ, онъ обязываетъ къ признанію, что *одни* безоцѣночно установленныя свойства мышленія суть предметъ изслѣдованія психологіи, а *другія*—предметъ логики, т.-е. отказаться отъ мысли, будто предметъ этихъ наукъ *одинъ и тотъ же*.

Предыдущими разсужденіями мы вовсе не хотимъ установить, будто система проф. Введенскаго насквозь психологистична. Разница между психическою и идеальною стороною сужденія такъ громадна, что быть чистымъ психологистомъ въ логикѣ немыслимо; можно только по недоразумѣнію считать себя чистымъ психологистомъ, или же можно замѣтить непсихологическій характеръ логики, но не быть въ состояніи объяснить, почему это такъ. Отсюда возникаетъ слѣдующее бѣдствіе: не зная точнаго критерія, отличающаго сферы двухъ наукъ, и руководясь только тактомъ, мы въ частностяхъ (въ изслѣдованіи производнаго) не будемъ психологистами, но при рѣшеніи глубочайшихъ, особенно *новыхъ* проблемъ рискуемъ сбиться съ правильнаго пути и впасть въ психологизмъ. Обезопасить себя отъ этого бѣдствія можно не иначе, какъ обосновывая логику на гносеологіи, дающей теорію сознанія, при чемъ эта теорія, во избѣжаніе догматическихъ предпосылокъ, должна слагаться только изъ точнаго *описанія* элементовъ сознанія, полученнаго путемъ *анализа* непосредственно наблюдаемаго *состава* сознанія.

Проф. Введенскій не хочетъ основывать логику на гносеологіи, слѣдовательно, хочетъ обойтись безъ всякой теоріи сознанія. Логика, по его мнѣнію, должна опираться на самое себя. Почему?—потому что нужно «раньше всего выяснить условія правильности мышленія» (стр. 39). Но вѣдь логика не можетъ, едва раскрывъ ротъ, въ первомъ своемъ сужденіи высказать, что та-

кое правильное мышленіе. Въ системѣ проф. Введенскаго эта проблема рѣшается не ранѣе, чѣмъ на 250 стр. Слѣдовательно, даже и начиная съ логики, пришлось на всѣхъ предыдущихъ страницахъ высказывать рядъ ученій, не зная еще условій правильности мышленія. Если такъ, то какое же *принципіальное* возраженіе можно выставить противъ того философа, который начинаетъ изслѣдованіе *съ описанія* элементовъ сознанія, отличитъ въ составѣ *сознаваемаго* идеальную сторону его и, точно обособляя ее отъ субъективно-психическихъ элементовъ сознанія, сдѣлаетъ ее предметомъ изученія въ логикѣ? Всякое такое изслѣдованіе кажется проф. Введенскому психологизмомъ. И неудивительно: проф. Введенскій, какъ видно изъ его гносеологическихъ выводовъ, считаетъ сознаніе всего лишь совокупностью *психическихъ* процессовъ; слѣдовательно, въ его глазахъ всякая теорія сознанія принадлежитъ къ области *психологіи*. Кто усмотрѣлъ, что психическое есть только *часть* сознанія, для того ясно, что анализъ состава сознанія есть не психологическое изслѣдованіе. Этотъ анализъ *впервые отграничиваетъ* психическое отъ физическаго, реальное отъ идеальнаго, логическое отъ нелогическаго и т. п.; слѣдовательно, онъ впервые отмежевываетъ область психологіи отъ области физики, область этихъ двухъ наукъ отъ логики и т. д. Только послѣ этого анализа можно не сбиться съ пути, занимаясь логикою.

Проф. Введенскій обходится въ логикѣ безъ теоріи сознанія. Отсюда получается рядъ бѣдствій, прежде всего то, что въ разсматриваемой *гносеологической* логикѣ нѣтъ *никакой теоріи сужденія*. Нельзя же считать теоріею заявленіе, что *сужденіями логика издавна назвала такія мысли, въ которыхъ мы что-либо утверждаемъ или отрицаемъ о чемъ-либо* (стр. 7), а между тѣмъ сверхъ этого (на стр. 50 повторено то же самое) о сужденіи вообще проф. Введенскій больше ничего не говоритъ.

Эта черта системы проф. Введенскаго особенно поражаетъ, когда имѣешь въ виду современную литературу по логикѣ, напр., логику Шуппе, Зигварта, Липпса и т. п., гдѣ теорія сужденія наиболѣе усиленно разрабатывается и выдвигается настолько на первый планъ, что граница между сужденіемъ и умозаключеніемъ иногда почти стирается, и теорія умозаключенія вытекаетъ изъ теоріи сужденія въ качествѣ подчиненнаго придатка (такова, напр., логика Шуппе, Липпса, интуитивизма).

Важнѣйшую роль въ теоріи сужденія играетъ вопросъ, какое отношеніе существуетъ между двумя понятіями, входящими въ составъ сужденія. По Джевонсу и многимъ другимъ системамъ логики, это—отношеніе тожества, полнаго или частичнаго. По Шуппе, сужденіе всегда содержитъ въ себѣ категоріальное отношеніе между двумя понятіями, именно или отношеніе тожества (либо различія) или отношеніе причинной зависимости (кантіанецъ Шуппе сознательно отожествляетъ понятіе логической и причинной необходимой связи [1]). По Липпсу, субъектъ и предикатъ относятся другъ къ другу, какъ основаніе и слѣдствіе. Согласно моему интуитивизму, это — онтологическое отношеніе функціональной зависимости, вошедшее въ составъ объективной стороны сужденія и потому функціонирующее, какъ логическая связь основанія и слѣдствія.

Какъ же на этотъ важнѣйшій вопросъ отвѣчаетъ проф. Введенскій? Взявъ два примѣра сужденій «собаки суть животныя», «киты не рыбы», проф. Введенскій говоритъ: «связкой, или отношеніемъ сказуемаго къ подлежащему, въ первомъ служитъ утвержденіе, а во второмъ отрицаніе сказуемаго о подлежащемъ» (стр. 50).

Это ученіе есть или грамматическое, или психологическое, но ни въ коемъ случаѣ не логическое. Въ самомъ дѣлѣ, словами «утвержденіе и отрицаніе чего-либо» обозначается *психическій актъ* согласія (съ сочетаніемъ—«собаки—животныя») или несогласія (съ сочетаніемъ «киты—рыбы»), которое возникаетъ *по поводу* какого-то подлинно логическаго отношенія между понятіями, которое *вынуждаетъ* насъ, если мы стремимся къ познанію истины, съ одними сочетаніями понятій соглашаться, а съ другими не соглашаться [2]). Что это за отношеніе, этотъ вопросъ остался неизслѣдованнымъ въ разсматриваемой «Логикѣ», *за исключеніемъ одного случая*, именно аналитическихъ сужденій. Въ нихъ проф. Введенскій находитъ логическую связь между пре-

---

[1]) Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik, стр. 700.

[2]) Отъ „утвержденія и отрицанія чего-либо о чемъ-либо“ нужно отличать положительность и отрицательность понятій въ отношеніи къ другимъ понятіямъ и сужденій въ отношеніи къ другимъ сужденіямъ. Эта положительность и отрицательность есть логическій элементъ сужденія, но она не отличена отъ психическаго акта утвержденія и не изслѣдована въ книгѣ проф. Введенскаго.

дикатомъ и субъектомъ и потому считаетъ ихъ внутренно логически необходимыми. На примѣрѣ этихъ сужденій становится совершенно яснымъ, что утвержденіе есть не важная для логики, субъективная, психологическая сторона сужденія, надстраивающаяся надъ объективною стороною, надъ объективно-необходимою связью между субъектомъ и предикатомъ сужденія. Такое же изслѣдованіе необходимо было произвести также и въ отношеніи синтетическихъ сужденій. Но проф. Введенскій не произвелъ этой работы и потому, согласно его теоріи, синтетическія сужденія оказались лишенными логическаго элемента въ самой важной своей части, въ отношеніи между субъектомъ и предикатомъ; они оказались охарактеризованными только со стороны психологической, со стороны наличности въ нихъ утвержденія. Но, какъ извѣстно, *психологическій актъ утвержденія* (въ случаѣ пристрастія, легкомыслія и т. п), а также *грамматическую форму* сужденія можно наложить на какое угодно сочетаніе понятій или даже просто чувственныхъ знаковъ (словъ), напр., можно сказать: «слонъ есть плоскій треугольникъ». Этотъ нелѣпый наборъ словъ приходится отнести къ числу сужденій, согласно теоріи проф. Введенскаго, который изслѣдовалъ только грамматическую и субъективную психологическую сторону синтетическихъ сужденій, и вовсе не коснулся объективной, а тѣмъ болѣе логической стороны ихъ. Отсюда ясно, почему проф. Введенскій полагаетъ, будто ни одно синтетическое сужденіе (даже и $2+2=4$) не понятно само по себѣ, и каждое изъ нихъ можетъ быть отвергнуто само по себѣ, безъ всякой явной нелѣпости.

Въ свою очередь, намъ непонятно, почему проф. Введенскій считаетъ синтетическія сужденія—сужденіями; какъ они отличаются отъ простыхъ ассоціацій представленій? неужели только тѣмъ, что въ ихъ составѣ есть *психическій актъ согласія* или несогласія? неужели, напр., высказываніе «слонъ есть плоскій треугольникъ» благодаря своей грамматической формѣ и психическому акту утвержденія становится тѣмъ специфически логическимъ образованіемъ, которое называется сужденіемъ?

Такъ какъ проф. Введенскій не довелъ до конца изслѣдованія синтетическихъ сужденій и не нашелъ въ нихъ логической связи, то получилась пропасть между синтетическими сужденіями, съ одной стороны, и аналитическими сужденіями, а

также умозаключеніями (хотя бы изъ синтетическихъ посылокъ), съ другой стороны. Въ самомъ дѣлѣ, въ синтетическихъ сужденіяхъ нѣтъ логической связи, тогда какъ умозаключенія и аналитическія сужденія основаны на логической связи и притомъ *не связи одного и того же типа*, названной нами аналитическою логическою связью. Однако, какъ возможно такое сродство между умозаключеніями и аналитическими сужденіями? Вѣдь умозаключеніе должно дать въ выводѣ *новую* мысль въ сравненіи съ посылками, слѣдовательно, связь вывода съ посылками имѣетъ синтетическій, а не аналитическій характеръ. Отсюда, повидимому, прямо вытекаетъ, что умозаключенія не аналогичны аналитическимъ сужденіямъ, и логическая связь вывода съ посылками основана *не на законѣ противорѣчія*. Найдемъ, въ чемъ состоитъ эта необходимость, и тогда мы построимъ понятіе синтетической логической необходимости, которое устранитъ пропасть между синтетическими сужденіями и умозаключеніями.

Начнемъ съ критики ученія проф. Введенскаго о логической связи и необходимости, и прежде всего установимъ, что связь, основанная на законѣ противорѣчія, заслуживаетъ названія *аналитической*.

Въ качествѣ одного изъ примѣровъ логической связи проф. Введенскій приводитъ отношеніе между субъектомъ и предикатомъ аналитическаго сужденія, напр., «квадраты прямоугольны» (стр. 234). Выразивъ схематически такое сужденіе словами «Р+а есть Р» (какъ это дѣлаетъ самъ проф. Введенскій на стр. 217), нельзя не признать, что отношеніе между субъектомъ и предикатомъ его есть отношеніе тожества (частичнаго) и, слѣдовательно, необходимость признанія такихъ сужденій истинными основывается на законѣ *тожества*. Однако, проф. Введенскій держится иного мнѣнія, именно полагаетъ, что логическая обязательность признанія такихъ сужденій истинными основывается на законѣ *противорѣчія* (вмѣстѣ съ закономъ исключеннаго третьяго) и не допускаетъ, чтобы она основывалась на законѣ тожества, какъ это видно, во-первыхъ, изъ его ученія о полной самостоятельности законовъ тожества и противорѣчія (стр. 241), а во-вторыхъ, вообще изъ его ученія о логическихъ законахъ и ихъ роли въ мышленіи (гл. XII). Какое же мнѣніе слѣдуетъ считать правильнымъ, законъ тожества или законъ

противорѣчія есть принципъ, лежащій въ основѣ аналитическихъ сужденій? [1]).

Какъ это часто бываетъ, оказывается, что оба утвержденія одновременно вѣрны въ своей *положительной* части. Признаніе истинности сужденія «P + a есть P» требуется *одновременно* и закономъ тожества и закономъ противорѣчія, съ тою лишь разницею, что когда мы высказываемъ согласіе съ этимъ сужденіемъ, болѣе замѣтна роль закона тожества, а когда пытаемся отрицать его и усматриваемъ ложность такого отрицанія, то становится болѣе замѣтною роль закона противорѣчія (и исключеннаго третьяго). То же относится и къ отрицательнымъ аналитическимъ сужденіямъ. Допустимъ, что схема этихъ сужденій «x + a не есть y + non a», данная проф. Введенскимъ на стр. 218, вѣрна (во избѣжаніе спора о мелочахъ не будемъ возражать противъ нея). Здѣсь опять-таки ясно, что признаніе истинности этого сужденія требуется и закономъ тожества и закономъ противорѣчія. Это совмѣстное дѣйствіе обоихъ или, вѣрнѣе, трехъ законовъ (закона тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго) не указываетъ ли на то, что существуетъ только одинъ законъ, напр., законъ тожества, а два остальные закона представляютъ собою лишь иное словесное выраженіе перваго закона? Противъ такого ученія проф. Введенскій рѣшительно возражаетъ (стр. 241 сл.), и въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ нимъ. Дѣйствительно, передъ нами находятся три различные закона, а не три различныя словесныя формулы одного и того же закона. Не слѣдуетъ, однако, переоцѣнивать самостоятельность этихъ законовъ, что, какъ мы полагаемъ, дѣлаетъ проф. Введенскій (признаюсь, подъ вліяніемъ проф. Введенскаго я въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ преувеличивалъ самостоятельность этихъ законовъ). Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько законовъ могутъ быть самостоятельными въ томъ смыслѣ, что

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, *всѣ* сужденія имѣютъ синтетическій характеръ, если сравнивать опознанное содержаніе ихъ субъекта и предиката; аналитическія сужденія суть фикція, созданная представителями логики. См. объ этомъ мое „Введеніе въ философію“ стр. 115—118, 247—249 и особенно мою статью „Реформа понятія сознанія въ современной гносеологіи и ея значеніе для логики“ (печатается). Въ дальнѣйшемъ, однако, мы допускаемъ фикцію существованія сужденій, выраженныхъ схемою „P + a есть P“ и разсматриваемъ, къ чему она обязываетъ.

они говорятъ каждый о различномъ, но это различное есть не что иное, какъ разныя *стороны* одного и того же качества, *неразрывно* связанныя другъ съ другомъ. Въ такомъ случаѣ выполненіе или нарушеніе одного изъ законовъ неразрывно связано съ выполненіемъ или нарушеніемъ остальныхъ законовъ. Именно въ такой связи находятся другъ съ другомъ законъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго.

Эти три логическіе закона параллельны тремъ *онтологическимъ* законамъ, которые неразрывно связаны другъ съ другомъ, такъ какъ выражаютъ съ различныхъ сторонъ одно и то же свойство всего, что существуетъ, и что можетъ стать содержаніемъ сознанія, именно *опредѣленность*, состоящую въ томъ, что, напр., краснота есть краснота и не можетъ быть зеленостью, которая есть не краснота. Исчерпывающее выраженіе этой опредѣленности всего существующаго можетъ быть дано въ слѣдующихъ трехъ законахъ, которые удобнѣе всего выразить съ помощью символа А, такъ какъ трудно найти краткіе однозначные термины для передачи столь абстрактныхъ мыслей: «все, что есть, есть какое-либо опредѣленное А», «ни одно А не есть не А», «все, что есть, есть или А или не-А».

Эти три закона такъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, что, высказывая первый изъ нихъ, характеризующій положительную сторону опредѣленности, именно утверждающій А'товость А, мы неизбѣжно *думаемъ при этомъ про себя также и о второмъ и третьемъ законѣ*, характеризующихъ эту опредѣленность съ другихъ сторонъ, а потому возникаетъ иллюзія, будто второй и третій законъ суть лишь пересказъ перваго закона другими словами.

Все, что существуетъ, можетъ сдѣлаться предметомъ знанія, т.-е. можетъ войти въ составъ *объективной* стороны сужденія. Въ этомъ случаѣ указанная выше *опредѣленность* функціонируетъ, какъ одно изъ важныхъ условій возможности общихъ элементарныхъ методовъ построенія и обоснованія сужденія. Въ виду этой своей функціи въ сужденіи она можетъ быть названа *логическимъ* элементомъ сужденія [1]) и можетъ быть вы-

[1]) Словомъ „логическій" я называю всѣ тѣ элементы объективной стороны сужденія, которые служатъ условіемъ возможности общихъ элементарныхъ методовъ обоснованія сужденія (таковы количество, качественная опредѣленность вообще, т.-е. въ отвлеченіи отъ видоизмѣненій ея, функціональ-

ражена въ видѣ слѣдующихъ трехъ *логическихъ* законовъ мышленія: «при всѣхъ актахъ сужденія (мышленія) объективное содержаніе А остается тѣмъ же А»; «ни въ одномъ сужденіи (или сочетаніи ихъ) объективное содержаніе А не есть не-А», «всякій элементъ объективнаго содержанія сужденія есть или А или не-А». Эти три закона суть исчерпывающее и точное выраженіе мысли, что всякій элементъ объективной стороны сужденія есть нѣчто строго опредѣленное.

Принадлежатъ ли перечисленныя положенія къ числу нормъ или законовъ, зависитъ ли исполненіе ихъ отъ воли познающаго субъекта или нѣтъ [1])? Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ лишь тотъ, кто знаетъ, что́ такое мышленіе, основываясь на гносеологіи, именно на анализѣ состава сознанія. Согласно интуитивизму, мышленіе есть созерцаніе дѣйствительности, выдѣляющее путемъ различенія (т.-е. анализа, достигнутаго сравниваніемъ) синтетическую необходимую связь между элементами дѣйствительности. Актъ созерцанія и сравниванія есть *субъективная* сторона мышленія, иными словами, это есть *психическая* дѣятельность познающаго *индивидуума*. Наоборотъ, то, на что́ направлено созерцаніе и сравниваніе, есть объективная сторона мышленія; это есть сама дѣйствительность, либо субъективная (напр., когда созерцаніе и анализъ направлены на «мою радость»), либо транссубъективная (напр., когда созерцаніе и анализъ направлены на такую дѣйствительность, какъ «движеніе поѣзда»). Если въ мышленіи дѣятельность *субъекта* ограничи-

---

ная зависимость между содержаніями понятій и т. п.); а такъ какъ, согласно моей теоріи (согласно интуитивизму) „объективное содержаніе сужденія есть не что иное, какъ *сама дѣйствительность*, то отсюда получается сближеніе между логикою и онтологіею: одно и то же содержаніе міра (напр., функціональная зависимость, качественная опредѣленность вообще и т. п.), разсматриваемое, какъ независимое отъ акта сознанія познающаго субъекта, есть онтологическое, а поскольку оно становится содержаніемъ сужденія, оно составляетъ логическую сторону его“, (см. мое „Введеніе въ философію“ стр. 255).

[1]) Проф. Введенскій употребляетъ термины „естественный законъ“ и „нормативный законъ“. Однако, неудобно, говоря о столь общихъ законахъ, какъ логическіе, называть ихъ *естественными* законами (т.-е. законами природы). Поэтому вмѣсто слова „естественный законъ“ мы будемъ употреблять просто слово „законъ“, а то, что проф. Введенскій называетъ нормативнымъ закономъ, будемъ называть „нормою“.

вается лишь созерцаніемъ и анализомъ, а то, что дано для созерцанія, есть сама дѣйствительность, подчиненная перечисленнымъ выше онтологическимъ законамъ, т.-е. имѣющая характеръ строгой опредѣленности, то отсюда слѣдуетъ, что мышленіе, *пока оно остается мышленіемъ*, т.-е. созерцаніемъ и анализомъ, не можетъ нарушить перечисленныхъ логическихъ правилъ: «при всѣхъ актахъ сужденія (мышленія) объективное содержаніе А остается тѣмъ же А» и т. п. Иными словами, эти правила суть логическіе *законы* мышленія, а не нормы. Противорѣчіе, неотожествленіе А съ самимъ собою и т. п. могутъ явиться на сцену только тогда, когда мышленіе (т..е. созерцаніе и анализъ) намѣренно или безотчетно осложнились примѣсью какой-либо другой дѣятельности субъекта, напр., фантазированія, высказыванія чисто ассоціативныхъ сочетаній и т. п. Такъ какъ эти дѣятельности субъективны, то, напр., при высказываніи «квадратъ, который я намѣренъ построить, будетъ круглый», противорѣчіе существуетъ не какъ созерцаемое, а какъ *задача* совершить синтезъ «круглости» и «некруглости»,—задача, о которой я понимаю, что она состоитъ въ томъ, чтобы соединить первое со вторымъ, но которую выполнить нельзя, и поэтому нельзя созерцать осуществленное «круглое некруглое».

Отъ воли человѣка зависитъ, будетъ ли онъ совершать актъ мышленія (т.-е. созерцать и анализировать) или актъ фантазированія и т. п. Поэтому не безполезно преподать для воли человѣка, ищущаго истины, рядъ нормъ (совѣтовъ), которыя облегчали бы ему задачу оберегаться отъ невольной подмѣны мышленія другими дѣятельностями.

Конечно, эти нормы могутъ быть основаны только на существенныхъ признакахъ мышленія, т.-е. на такихъ признакахъ его, которые выражаются въ логическихъ *законахъ* мышленія. Основываясь на предыдущемъ, можно указать пока три нормы (служащія необходимымъ, но еще *не достаточнымъ* критеріемъ наличности мышленія, а потому пригодныя лишь какъ несомнѣнный *критерій отсутствія мышленія*): «*утверждай*, т.-е. принимай за истину, установленную мышленіемъ, только тѣ высказыванія, въ которыхъ всякій объективный элементъ отожествленъ съ самимъ собою, въ которыхъ нѣтъ противорѣчія и нѣтъ нарушенія закона исключеннаго третьяго».

Вслѣдствіе неразрывной связи соотвѣтствующихъ логическихъ

законовъ мышленія перечисленныя нормы также неразрывно связаны другъ съ другомъ, иными словами, нарушеніе одной изъ нихъ неизбѣжно связано съ нарушеніемъ двухъ остальныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что какой-либо ученый въ началѣ своего изслѣдованія устанавливаетъ, что «S есть P», а въ срединѣ, говоря о *томъ же* предметѣ, утверждаетъ, по неосмотрительности, что «S не есть P». Здѣсь нарушена норма противорѣчія. Но этого мало, здѣсь нарушена также норма тожества: имѣя въ виду *одинъ и тотъ же* предметъ, выраженный въ понятіи S, изслѣдователь *пересталъ* отожествлять содержаніе этого предмета само съ собою, когда призналъ его во второмъ высказываніи за не-P, тогда какъ въ первомъ оно было установлено, какъ P.

Въ защиту мысли, что здѣсь не нарушена норма тожества, можно было бы привести слѣдующее соображеніе: говоря, что «S есть P», а потомъ признавая, что «S не есть P», *я не отмѣняю перваго сужденія*, слѣдовательно, выполняю норму тожества, но только *рядомъ съ первымъ сужденіемъ* высказываю еще новое сужденіе «S есть не-P». Однако, это соображеніе невѣрно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, выразимъ критикуемую мысль проще. Если пара приведенныхъ сужденій нарушаетъ норму противорѣчія, то это значитъ, что въ нихъ рѣчь идетъ о нѣкоторомъ свойствѣ предмета S, разсматриваемаго въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же отношеніи. Значитъ, высказывая два такія сужденія, какъ вмѣстѣ истинныя, мы признали, что P есть P и вмѣстѣ съ тѣмъ не-P. Здѣсь есть *иллюзія* выполненія нормы тожества, потому что *первый* предикатъ удовлетворяетъ ей. Но вѣдь норма тожества требуетъ, чтобы P'товость *не одинъ* разъ, а *всякій* разъ утверждалась, какъ P'товость, слѣдовательно, благодаря второму предикату, эта норма нарушена. Утверждать, будто она здѣсь выполнена, это все равно, что сдѣлать два хода шахматнымъ конемъ, одинъ правильный, а другой неправильный, и на замѣчаніе противника, что правила игры нарушены, возразить: «нѣтъ, они соблюдены, такъ какъ первый ходъ сдѣланъ мною правильно».

Проф. Введенскій можетъ возразить, что я разсматриваю норму тожества, основанную не на томъ законѣ, который онъ называетъ закономъ тожества. Возьмемъ формулу проф. Введенскаго: *мышленіе подчинено такому закону, что отожествляетъ съ*

ней самой всякую мысль (и понятіе, и сужденіе), сколько бы разъ она ни повторялась, и въ связи съ какими бы мыслями ни встрѣчалась она въ нашемъ сознаніи (239).

Если эта формула имѣетъ какой-либо опредѣленный смыслъ, то это значитъ, что сколько бы разъ ни встрѣчалось мнѣ Р, я, *поскольку я мыслю*, признаю его за Р. Сказавъ «S есть Р и не-Р», я обратилъ вниманіе два раза на Р (здѣсь два высказыванія) и въ первомъ случаѣ отожествилъ его съ собою, а во второмъ случаѣ пересталъ отожествлять его съ собою (значитъ, навѣрное совершилъ не актъ мышленія).

Наконецъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ, «S есть Р и не-Р», нарушена также и норма исключеннаго третьяго. Ее (если руководиться формулою закона исключеннаго третьяго, данною проф. Введенскимъ на стр. 233) можно выразить такъ: принимай за истину, установленную мышленіемъ, только такую систему высказываній, въ которой каждое понятіе поставлено или въ утвердительное или въ отрицательное отношеніе къ другому понятію, такъ какъ нельзя *мыслить* никакое третье отношеніе, которое замѣнило бы собой сразу и то, и другое. Нашъ изслѣдователь, отступивъ отъ нормы тожества и противорѣчія, вмѣстѣ съ тѣмъ нарушилъ и норму исключеннаго третьяго, такъ какъ выдумалъ третье отношеніе, замѣняющее собою отрицаніе и утвержденіе въ отдѣльности, именно выдумалъ *одновременную комбинацію утвержденія и отрицанія*.

Такъ какъ всѣ три нормы и соотвѣтствующіе имъ законы относятся къ одному и тому же качеству содержаній сознанія, именно къ *опредѣленности* ихъ, и неразрывно связаны другъ съ другомъ, то нельзя давать имъ столь необычайно разнородную характеристику, какъ это дѣлаетъ проф. Введенскій. Нельзя, напр., законъ тожества и «естественный» законъ противорѣчія считать психологическими, а законъ исключеннаго третьяго логическимъ. Нельзя также утверждать, что принципъ тожества и исключеннаго третьяго суть *законы* мышленія, а принципъ противорѣчія есть только *норма* для мышленія [1]).

---

[1]) Въ своей статьѣ „Основательно ли „Новое и легкое доказательство философскаго критицизма“? (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1909 г., іюль), пользуясь однородными свойствами закона противорѣчія и исключеннаго третьяго, я поставилъ (на стр. 190) проф. Введенскаго передъ альтернативою „или признать, что мыслимость противорѣчія имъ не доказана, или при-

Если бы не было опредѣленности содержаній мышленія, то невозможно было бы различеніе ихъ, а слѣдовательно, и анализъ ихъ. Отсюда ясно, что указанные три логическіе закона суть условія возможности мышленія, какъ *анализа*, выдѣляющаго изъ состава дѣйствительности опредѣленныя синтетическія связи опредѣленныхъ элементовъ ея. Поэтому мы называемъ три указанные закона аналитическими логическими законами и связь, а также необходимость, основанную на нихъ, *аналитическою*. Въ самомъ дѣлѣ, если необходимость утвержденія или отрицанія какой-либо мысли основана на законѣ противорѣчія (а слѣд., вмѣстѣ съ тѣмъ на законѣ тожества и исключеннаго третьяго), то это значитъ, что она можетъ быть удостовѣрена *однимъ анализомъ* уже имѣющихся мыслей, безъ помощи *новаго* созерцаемаго содержанія. Такъ, если въ срединѣ книги какого-либо автора находится высказываніе «S не есть P», то я имѣю право отвергнуть его на основаніи закона противорѣчія, когда путемъ анализа начала изслѣдованія найду въ немъ доказанную мысль «S есть P».

Приступимъ теперь къ критикѣ теоріи умозаключеній проф. Введенскаго.

Ученіе, согласно которому связь посылокъ съ выводомъ основана на законѣ противорѣчія, можно назвать, согласно предыдущему, *аналитическою теоріею умозаключенія*. Въ этомъ вопросѣ проф. Введенскій направляется по традиціонному руслу формальной логики: аналитическія теоріи умозаключеній (въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, то съ подчеркиваніемъ роли закона тожества, то съ подчеркиваніемъ роли закона противорѣчія) за все время существованія логики не сходятъ со сцены и еще до сихъ поръ занимаютъ господствующее положеніе въ логикѣ. Только въ самое послѣднее время замѣчается медленный пово-

---

знать, что мышленіе не подчинено не только закону противорѣчія, но и закону исключеннаго третьяго". Проф. Введенскій отклонилъ эту альтернативу указаніемъ на то, что въ приведенномъ мною примѣрѣ („Богъ есть абсолютное") нарушена не норма исключеннаго третьяго, а норма противорѣчія. Изъ сдѣланныхъ выше разъясненій видно, что нарушеніе здѣсь нормы противорѣчія не только не мѣшаетъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ была нарушена норма исключеннаго третьяго, а даже требуетъ этого. Слѣдовательно, альтернатива, поставленная мною и губительная для теоріи проф. Введенскаго въ обѣихъ своихъ частяхъ, сохраняетъ свою силу.

ротъ въ новую сторону, какъ это будетъ указано ниже. Между тѣмъ достаточно одного общаго соображенія, чтобы увидѣть, что аналитическая теорія умозаключеній невозможна, и почувствовать въ самой острой формѣ потребность искать новыхъ путей въ логикѣ.

Въ умозаключеніи выводное сужденіе всегда содержитъ въ себѣ мысль, *новую* въ сравненіи съ посылками. Проф. Введенскій говоритъ: „*въ истинныхъ умозаключеніяхъ выводомъ всегда служитъ сужденіе новое сравнительно съ посылками, а въ кажущихся лишь повтореніе посылокъ въ полномъ или частичномъ видѣ*“ (стр. 159).

Это значитъ, что связь между посылками и выводомъ—синтетическая, а не аналитическая: она однородна со связью между субъектомъ и предикатомъ синтетическаго сужденія. Всякое умозаключеніе можно даже выразить посредствомъ синтетическаго сужденія (AB есть D), въ которомъ субъектомъ служитъ объективное содержаніе посылокъ (AB), а предикатомъ — *новое* содержаніе (D), передающее объективный составъ вывода. Такъ, напр., умозаключеніе «ртуть—жидкость; а всѣ жидкости упруги; слѣд., и ртуть упруга» (примѣръ проф. Введенскаго) можно выразить посредствомъ слѣдующаго сужденія: необходимая связь двухъ паръ понятій, «ртуть и жидкость», «жидкое и упругое» сопутствуется необходимою связью пары понятій «ртуть и упруга». Это—сужденіе синтетическое. Отсюда ясно, что логическая обязательность перехода отъ посылокъ къ выводу не основывается *ни на законѣ противорѣчія, ни на законѣ тожества.*

Возражать противъ этого довода можно двумя способами. Во-первыхъ, можно согласиться съ тѣмъ, что умозаключеніе однородно съ синтетическимъ сужденіемъ, но утверждать, что отрицаніе вывода, комбинируемое съ болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ *новыхъ* умственныхъ операцій, неизбѣжно приводитъ къ противорѣчію. Во-вторыхъ, можно отрицать, что умозаключеніе однородно съ синтетическимъ сужденіемъ и настаивать на томъ, что приведенное выше сужденіе, выражающее объективный составъ умозаключенія, имѣетъ аналитическій характеръ.

Разсмотримъ сначала первый способъ обоснованія умозаключеній на законѣ противорѣчія. Защитникъ этого пути, очевидно, соглашается съ нами, что сужденіе «ртуть не упруга» (т.-е. отрицаніе вывода) само по себѣ не противорѣчитъ ни первой,

ни второй посылкѣ. Какія же умственныя операціи приведутъ къ возникновенію противорѣчія? Можно взять отрицаніе вывода («ртуть не упруга»), соединить его съ одною изъ посылокъ силлогизма («ртуть—жидкость») и получить отсюда (по третьей фигурѣ) новый выводъ «нѣкоторыя жидкости не упруги», противорѣчащій большей посылкѣ *перваго* силлогизма. Однако, здѣсь противорѣчіе получено путемъ *втораго* вывода и раньше, чѣмъ принять этотъ выводъ, полученный по третьей фигурѣ, мы должны отдать себѣ отчетъ, на чемъ основана *его* логическая обязательность (если его логическая обязательность не будетъ установлена, то не будетъ и возникновенія противорѣчія вслѣдствіе отрицанія перваго вывода). Ясно, что теперь нужно примѣнить теорію проф. Введенскаго ко *второму* силлогизму (третьей фигуры) и показать, что упрямецъ, говорящій «хотя ртуть не упруга и ртуть есть жидкость, все же я утверждаю, что всѣ жидкости упруги», долженъ придти къ противорѣчію. Какимъ способомъ удастся это сдѣлать? Для этого нужно взять отрицаніе правильнаго вывода (т.-е. сужденіе «всѣ жидкости упруги») соединить его съ посылкою «ртуть—жидкость» и получить опять нашъ первый выводъ (по первой фигурѣ силлогизма). Иными словами, пытаясь доказать, что логическая обязательность перехода отъ посылокъ къ выводу основана на законѣ противорѣчія, мы вращаемся въ кругу. Появленіе круга можно только на короткое время отдалить, сводя отрицаніе вывода третьей фигуры къ противорѣчію посредствомъ второй фигуры («всѣ жидкости упруги, ртуть не упруга»...), но тогда отрицаніе вывода второй фигуры придется сводить къ противорѣчію посредствомъ нашего перваго силлогизма (по первой фигурѣ).

Указаніе проф. Введенскаго (сдѣланное во время преній), что на стр. 232 своей книги онъ имѣлъ въ виду сведеніе къ противорѣчію путемъ «кажущагося вывода», состоящаго въ томъ, что посылки «ртуть не упруга» и «ртуть жидкость» даютъ право на сужденіе «ртуть есть не упругая жидкость», не выводитъ изъ затрудненія. «Кажущимся выводомъ» проф. Введенскій называетъ «*повтореніе посылокъ въ полномъ или частичномъ видѣ*» (стр. 159). Въ данномъ случаѣ, если бы мы ограничились «кажущимся» выводомъ, т.-е. дѣйствительно только повторили бы посылки, получилось бы сужденіе «ртуть жидка и не упруга», что не противорѣчитъ мысли «всѣ жидкости упруги» (въ родѣ того, какъ

изъ двухъ сужденій «NN красивъ лицомъ» и «NN не красивъ фигурою» получается сужденіе «NN красивъ лицомъ и не красивъ фигурою», въ которомъ «некрасивость» не перенесена на красоту лица). Противорѣчіе впервые получается тогда, когда на основаніи упомянутыхъ посылокъ я говорю «ртуть есть неупругая жидкость», т.-е. переношу свойство неупругости со ртути на жидкость. Это—мысль новая; если она обязательна при данныхъ посылкахъ, то передъ нами подлинное умозаключеніе и опять встаетъ вопросъ, на чемъ основывается логическая обязательность его; иными словами, мы опять попадаемъ въ положеніе, описанное выше [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что если бы описанное пониманіе умозаключеній было правильнымъ, то всѣ доказательства имѣли бы характеръ *апагогическій*. Существенная черта апагогическихъ доказательствъ состоитъ въ томъ, что при нихъ мы прямо не усматриваемъ связи между двумя идеями: намъ указываютъ нѣсколько возможностей и устанавливаютъ, что первая изъ нихъ, вторая и т. п. недопустимы, такъ какъ ведутъ къ противорѣчію, а потому намъ *приходится остановиться* на послѣдней возможности не вслѣдствіе того, чтобы она прямо вытекала изъ содержанія посылокъ, а только потому, что больше некуда, такъ сказать, преклонить голову. Такія доказательства имѣютъ характеръ травли звѣря (убѣждаемаго ума), котораго изгоняютъ изъ каждаго угла, куда онъ забѣжалъ (вскрывая ложь, т.-е. противорѣчіе), и *оставляютъ въ покоѣ* въ послѣднемъ углу, не давая однако никакихъ *положительныхъ* указаній, надежно ли это пристанище. Когда намъ предлагаютъ такимъ способомъ истолковывать логическую обязательность даже столь прямыхъ доказательствъ, какъ «ртуть—жидкость, жидкости упруги, слѣдовательно, ртуть упруга», то эта теорія сразу производитъ впечатлѣніе натяжки [2]).

---

[1]) Замѣчу при этомъ, что и раньше описанное умозаключеніе по третьей фигурѣ, строго говоря, даетъ выводъ „въ нѣкоторыхъ случаяхъ то, что жидко, не упруго“ (въ одной вещи совмѣстимы свойства быть жидкимъ и неупругимъ), что не противорѣчитъ посылкѣ „всѣ жидкости упруги“. Мы привыкли невнимательно относиться къ тончайшимъ вопросамъ логики и терпимъ до сихъ поръ неправильныя общепринятыя формулы выводовъ по третьей фигурѣ. Ср. замѣчанія Шуппе въ его Erkenntnisstheor. Logik. стр. 139 и 343.

[2]) Соглашаясь, что приведенный силлогизмъ логически обязываетъ къ выводу прямо, безъ ссылки на противорѣчіе при отрицаніи его, многіе пред-

Впрочемъ, выше было указано, что защитники обоснованія вывода на законѣ противорѣчія могутъ пойти инымъ путемъ, чѣмъ проф. Введенскій. Они могутъ утверждать, что отрицаніе вывода вступаетъ въ противорѣчіе съ посылками прямо, безъ помощи всякихъ дополнительныхъ умственныхъ операцій надъ ложнымъ выводомъ (безъ помощи третьей фигуры и т. п.). Это значитъ утверждать, что сужденіе, выражающее *составъ умозаключенія*, есть *аналитическое*. Такую мысль можно отстаивать *двумя* способами.

Во-первыхъ, можно утверждать, что существуетъ частичное тожество прямо между выводомъ и бо́льшею посылкою. Для этого нужно понимать большую посылку, общее сужденіе «всѣ жидкости упруги», какъ *коллективное* единство, т.-е. какъ сокращенное обозначеніе связки единичныхъ сужденій: «вода упруга, спиртъ упругъ, ртуть упруга и т. д.» (собственно, для перечисленія настоящихъ единичныхъ сужденій, нужно было бы говорить: «вода въ этомъ стаканѣ упруга, вода въ этомъ ручьѣ теперь и т. д.). Однако, такъ понимать силлогизмъ нельзя. Это блестяще доказано Миллемъ въ его замѣчательной критикѣ теорій силлогизма, считающихъ большую общую посылку однимъ изъ основаній вывода.

Милль въ этой критикѣ разсматриваетъ общее сужденіе, какъ коллективное единство [1]), и показываетъ, что одно изъ двухъ: либо списокъ единичныхъ сужденій полонъ, и тогда мы *не нуждаемся въ силлогистическомъ умозаключеніи*, такъ какъ интересующее насъ сужденіе уже входитъ explicite въ списокъ, или же мы нуждаемся въ силлогистическомъ умозаключеніи (когда интересующее насъ сужденіе еще не оправдано), но тогда у насъ нѣтъ полнаго списка, т.-е. нѣтъ общей посылки. Эта критика неопровержима, если разумѣть подъ общимъ сужденіемъ *кол-*

ставители логики считаютъ это прямое обоснованіе опирающимся на законъ тожества. На дѣлѣ, если выводное сужденіе расширяетъ знаніе, т.-е. содержитъ въ себѣ *новую* мысль, то логическая обязательность перехода къ ней отъ посылокъ не можетъ быть оправдана закономъ тожества. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса сдѣлано мною въ статьѣ „Реформа понятія сознанія въ современной теоріи знанія и значеніе ея для логики“ (печатается). Но и въ этой статьѣ дальнѣйшая аргументація противъ обоснованія вывода на законѣ противорѣчія вся приложима также къ закону тожества.

[1]) См., напр., „Система логики“, кн. II, гл. III, § 4, стр. 217, въ русскомъ перев. Резенера.

лективное единство [1]). Недостатокъ ея заключается лишь въ томъ, что Милль принялъ ее за критику, разрушающую *всякую* теорію силлогизма, считающую общую посылку однимъ изъ основаній вывода, и потому пришелъ къ скептической теоріи, сущность которой можно выразить такъ: силлогизмъ есть вѣроятное умозаключеніе отъ частнаго къ частному, контролируемое другимъ вѣроятнымъ умозаключеніемъ отъ *того же* частнаго (служившаго посылкою) къ общему. Для защиты теоріи, по которой общая большая посылка находится въ числѣ основаній вывода, и для спасенія отъ скептицизма Милля, существуетъ единственный путь: установить, что общее сужденіе есть не коллективное единство, а *родовая единица*. Сужденіе «всѣ жидкости упруги» служитъ основаніемъ вывода не какъ утвержденіе, относящееся къ неосуществимой *коллекціи всѣхъ жидкостей*, а какъ утвержденіе объ *одномъ единственномъ* предметѣ, именно о содержаніи понятія жидкость, неразрывно связанномъ съ содержаніемъ понятія упругость («жидкое упруго»). Чтобы это установить, необходимо произвести анализъ состава сознанія и найти въ немъ *идеальные* элементы (въ платоновскомъ смыслѣ) въ отличіе отъ потока событій душевной жизни [2]).

Силлогизмъ даетъ въ такомъ случаѣ (напр., въ математикѣ, которая легко находитъ необходимыя связи между подлинно идеальными элементами содержаній сознанія) необходимый, а не только вѣроятный выводъ, но уже безъ всякой включенности выводного сужденія въ большую посылку; высказывая его (напримѣръ, «ртуть—жидка, а жидкое—упруго, слѣдовательно, ртуть упруга»), или вовсе не нужно употреблять слово «всѣ» въ большей посылкѣ или можно воспользоваться имъ только, какъ неточнымъ выраженіемъ мысли, что достаточно имѣть со-

---

[1]) Возраженія проф. Введенскаго представляются намъ основанными на неточномъ изложеніи ученія Милля, особенно поскольку проф. Введенскій приписываетъ Миллю игнорированіе роли меньшей посылки; ср. изложеніе Милля, мое приведенное выше толкованіе и критику проф. Введенскаго на стр. 224—226 разсматриваемой „Логики“.

[2]) Изъ этого примѣра видно, что разсужденія о номинализмѣ, реализмѣ и т. п. совершенно необходимы въ логикѣ и не представляютъ собою *психологическаго* изслѣдованія, какъ это полагаетъ проф. Введенскій, утверждающій, что они „составляютъ чисто-механическій, ни къ чему ненужный привѣсокъ къ логикѣ“ (стр. 71).

держаніе понятія «жидкость», чтобы было налицо и содержаніе понятія «упругость».

Теперь остается еще одинъ послѣдній способъ попытаться защитить аналитическую теорію силлогизма. Въ основѣ его лежитъ иллюзія, являющаяся, по нашему мнѣнію, первоисточникомъ всѣхъ аналитическихъ теорій въ логикѣ. Можно утверждать, что отрицаніе выводного сужденія противорѣчитъ не большей или меньшей посылкѣ отдѣльно взятымъ, а сочетанію ихъ. Ошибку въ этомъ разсужденіи нетрудно найти. Если сужденіе «ртуть упруга» не противорѣчитъ ни посылкѣ «ртуть жидкость», ни посылкѣ «жидкое упруго», но начинаетъ противорѣчить *сочетанію* этихъ двухъ посылокъ, то значитъ сочетаніе ихъ *сопутствуется новымъ сужденіемъ*, которое стоитъ въ отношеніи противорѣчія къ сужденію «ртуть не упруга». Это есть сужденіе «ртуть упруга»; оно дѣйствительно противорѣчитъ сужденію «ртуть не упруга» и дѣйствительно слѣдуетъ изъ сочетанія посылокъ, какъ правильный выводъ изъ нихъ *новой* мысли. Итакъ, тотъ, кто отстаиваетъ этимъ способомъ мысль, будто обязательность вывода основана на законѣ противорѣчія, сличаетъ не отрицаніе вывода, съ одной стороны, и двѣ посылки, съ другой стороны, т.-е. «ртуть не упруга» и «ртуть жидкость, всѣ жидкости упруги», а отрицаніе вывода и двѣ посылки *вмѣстѣ съ примышленіемъ къ нимъ правильнаго вывода* («ртуть не упруга», съ одной стороны, а, съ другой стороны, «ртуть жидкость, жидкости упруги, слѣдовательно, ртуть упруга»). Какъ ни груба эта ошибка, легко впасть въ нее потому, что принудительность правильнаго вывода вслѣдъ за согласіемъ съ посылками громадна и потому, по неосмотрительности, мы склонны, высказывая посылки, тотчасъ же примышлять къ нимъ и выводъ.

Такимъ образомъ синтетическій характеръ умозаключенія скрывается отъ насъ, является обманчивая видимость аналитической природы умозаключенія.

Еще лучше можно уяснить себѣ характеръ этой иллюзіи на примѣрѣ ошибочнаго истолкованія синтетическихъ сужденій, какъ аналитическихъ. Понятіе прямоты линіи (S) неразрывно связано съ понятіемъ кратчайшаго разстоянія (P), поэтому высказывая первое, я такъ стремительно и неизбѣжно присоединяю къ нему второе, что мнѣ можетъ показаться, будто я имѣлъ дѣло не съ синтетическимъ сужденіемъ «S есть P», а съ анали-

тическимъ сужденіемъ «SP есть P», и самъ Кантъ [1]) многихъ не убѣдилъ въ томъ, что они ошибаются, а главное не исцѣлилъ отъ наклонности упорно возвращаться къ аналитическимъ теоріямъ тамъ, гдѣ давно уже надо было попытаться построить синтетическую теорію.

Все сказанное приложимо также къ modus ponens условно-категорическаго силлогизма. Особенно легко перенести предыдущія разсужденія на условно-категорическій силлогизмъ, если признать, что modus ponens принципіально однороденъ съ первою фигурою, а modus tollens со второю фигурою [2]).

Въ другихъ опосредствованныхъ умозаключеніяхъ (напр., во второй фигурѣ силлогизма) невозможность свести обязательность вывода къ закону противорѣчія въ такой же мѣрѣ очевидна, и потому логика не можетъ обойтись безъ построенія синтетической теоріи умозаключеній.

Но, можетъ быть, проф. Введенскій строитъ *синтетическую* теорію умозаключенія? Вѣдь для объясненія правилъ вывода проф. Введенскій привлекаетъ, кромѣ трехъ аналитическихъ законовъ, еще законъ достаточнаго основанія. Не есть ли это синтетическій принципъ умозаключенія?

Къ сожалѣнію, на эту точку зрѣнія не можетъ встать тотъ, кто считаетъ всякую логическую необходимость основанною только на законѣ противорѣчія. Такой мыслитель, вводя въ логику законъ достаточнаго основанія, напрасно умножаетъ число законовъ, такъ какъ не можетъ придать новому закону никакого *самостоятельнаго положительнаго* значенія. Въ самомъ дѣлѣ, согласно проф. Введенскому, «когда выводъ бываетъ правильнымъ, посылки служатъ *достаточнымъ* основаніемъ, чтобы въ силу законовъ противорѣчія и исключеннаго третьяго, принудить насъ согласиться съ выводомъ, вытекающимъ изъ нихъ» (стр. 236). Слѣдовательно, «достаточное основаніе» есть все та же анали-

---

1) Кантъ, Кр. ч. раз. перев. Н. Лосскаго, стр. 32.

2) Принципіальная однородность категорическихъ и условно-категорическихъ силлогизмовъ должна быть признана, если принять въ расчетъ соображенія Липпса о природѣ условныхъ сужденій („Основы логики", перев. Н. Лосскаго, стр. 83—87, 260—271). Изъ этихъ же соображеній становится понятнымъ, почему Зигварту удалось свести категорическіе и условно-категорическіе силлогизмы къ одному принципу Sigwart, Logik, I, §§ 49—54, русск. перев. Давыдова).

тическая необходимость. Спрашивается, къ чему же тогда было вводить новый законъ? Развѣ только для запрещеній, какъ это признаетъ самъ проф. Введенскій, т.-е. для предостереженія противъ мнимыхъ выводовъ, въ родѣ «ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги, слѣдовательно, собака лаетъ» (стр. 236). Очевидно, для такой цѣли установленіе новаго закона не требуется, а нужно лишь къ ученію о правильномъ выводѣ прибавить слово «только», именно сказать, что «правильный выводъ получается только въ томъ случаѣ, когда согласіе съ нимъ требуется закономъ противорѣчія (вмѣстѣ съ закономъ исключеннаго третьяго».)

Итакъ, аналитическій характеръ теоріи проф. Введенскаго сохраняется, несмотря на дополненіе ея закономъ достаточнаго основанія, которому тоже придано только аналитическое толкованіе.

Ссылки на этотъ законъ, напр., для объясненія того, почему терминъ, не распредѣленный въ посылкахъ, долженъ быть нераспредѣленнымъ въ выводѣ, только ярче подчеркиваютъ аналитическій характеръ всей теоріи умозаключеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря прозрачности и послѣдовательности мысли проф. Введенскаго, ярко обрисовывается безплодіе логическаго обоснованія при такомъ толкованіи его: оно оказывается не болѣе, какъ *тавтологіею*, слѣдовательно, не только не даетъ открытій, но даже и не ведетъ къ возрастанію достовѣрности осуществленныхъ открытій. Въ самомъ дѣлѣ, эту теорію логическаго обоснованія можно выразить въ карикатурной формѣ слѣдующимъ образомъ: если я открылъ благодаря опыту или какъ-либо иначе, что «S есть P», то мое знаніе логически вовсе не обосновано; но стоитъ мнѣ предпослать этому сужденію группу мыслей, въ составѣ которыхъ находится это же «S есть P» (опять-таки въ конечномъ итогѣ логически не обоснованное) и я получу неоспоримое право въ силу закона противорѣчія сказать «S есть P, *слѣдовательно,* логически необходимо признать, что S есть P».

Какая же теорія должна замѣнить аналитическія системы логики? Выше уже намѣчено, какъ найти правильное объясненіе умозаключеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основы для всей системы логики. Связь между выводомъ и посылками безспорно заслуживаетъ названія *логической*. Но эта связь имѣетъ синтетическій характеръ; отсюда слѣдуетъ, что, кромѣ аналитической логической необходимости, существуетъ еще *синтетическая ло-*

гическая необходимость. Природа ея, открываемая наблюденіемъ надъ умозаключеніями, такова: гдѣ есть нѣкоторое опредѣленное объективное содержаніе сужденій, тамъ необходимо есть также и нѣкоторое *новое* содержаніе, способное стать предметомъ высказыванія, т.-е. быть объективною стороною сужденія. Эта синтетическая связь аналогична связи причинной зависимости, а также математической функціональной зависимости; такъ какъ она входитъ въ составъ объективной стороны мышленія, то ее можно назвать, согласно традиціи, связью основанія и слѣдствія, подчеркивая, однако, что необходимость, заключающаяся въ ней, имѣетъ синтетическій характеръ.

Открывъ синтетическую логическую необходимость въ умозаключеніяхъ, необходимо поднять вопросъ, не содержится ли она также и въ синтетическомъ сужденіи, отдѣльно взятомъ, не соединяетъ ли она субъектъ и предикатъ сужденія. Безъ сомнѣнія, это такъ. Вспомнимъ, напр., что обязательность вывода въ разсмотрѣнномъ выше силлогизмѣ («ртуть—жидкость»...) основывается, между прочимъ, на слѣдующемъ свойствѣ его бо́льшей посылки (жидкое упруго): содержаніе понятія «жидкое» неразрывно связано съ содержаніемъ понятія «упругое», такъ что, гдѣ дано первое, тамъ дано и второе.

Здѣсь такая же связь между содержаніемъ двухъ понятій, какъ въ умозаключеніи между содержаніемъ посылокъ и вывода. Поскольку эта синтетическая необходимая связь входитъ въ составъ объективной стороны сужденія и создаетъ впервые *строй сужденія*, она заслуживаетъ названіе *логической связи*, связи основанія и слѣдствія. Составъ *предметовъ опыта* оказывается такимъ, что онъ *выразимъ въ формѣ сужденія*.

Въ еще болѣе яркомъ видѣ находимъ мы такую же связь между содержаніемъ субъекта и предиката сужденій: «прямая линія есть кратчайшее разстояніе между точками», «$7 + 5 = 12$» и т. п. Не слѣдуетъ, однако, думать, будто отношеніе основанія и слѣдствія связываетъ субъектъ и предикатъ только нѣкоторыхъ синтетическихъ сужденій. Названія сужденія заслуживаютъ только тѣ высказыванія, которыя содержатъ въ себѣ такую связь. Въ самомъ дѣлѣ, признавать высказываніе «S есть P» за сужденіе, это значитъ признавать его истиною, т.-е. ручаться, что въ самомъ дѣлѣ, «гдѣ есть S, тамъ есть P». Иными словами, мы только тогда считаемъ высказываніе сужденіемъ, когда по-

лагаемъ, что содержаніе субъекта и предиката соединено необходимою связью, такъ что, признавъ наличность S, нельзя не признать наличности P. Конечно, здѣсь возможны два случая: или я въ самомъ дѣлѣ совершаю актъ мышленія, т.-е. ограничивался тѣмъ, что созерцалъ и сравнивалъ предметы, такъ что слѣдованіе P за S обусловлено тѣмъ, что наличность S есть достаточное основаніе для наличности P, или же S само по себѣ не есть основаніе для P, такъ что присоединеніе P къ S совершено *мною*, познающимъ индивидуумомъ, благодаря моей *субъективной* дѣятельности фантазированія и т. п. Но въ такомъ случаѣ мое высказываніе *не было* актомъ мышленія, и потому не заслуживаетъ названія сужденія, хотя бы по внѣшности (напр., по грамматической формѣ) оно и походило на сужденіе.

Законъ, согласно которому предикатъ сужденія имѣетъ свое полное, т.-е. достаточное основаніе въ субъектѣ сужденія, а выводъ умозаключенія имѣетъ достаточное основаніе въ посылкахъ, можно назвать закономъ достаточнаго основанія. Согласно нашему толкованію его, всякое сужденіе, даже и сужденіе воспріятія, содержитъ въ себѣ этотъ логическій элементъ и потому не лишено логическаго обоснованія [1]). Далѣе согласно этой теоріи нѣтъ принципіальной разницы между сужденіемъ и умозаключеніемъ; оба акта мышленія основываются на одномъ и томъ же синтетическомъ логическомъ законѣ [2]). Различные виды умозаключеній объясняются, какъ примѣненія различныхъ видоизмѣненій принципа связи основанія и слѣдствія. Такъ, напр., силлогизмъ первой фигуры, въ отличіе отъ аналитической теоріи, непринужденно объясняется тѣмъ, что слѣдствіе слѣдствія есть слѣдствіе основанія, а вовсе не ссылкою на законъ противорѣчія: въ самомъ дѣлѣ, понятія S — M — P связаны въ первой фигурѣ, какъ основаніе S, изъ котораго слѣдуетъ необходимо M, а изъ M слѣдуетъ P [3]).

---

[1]) См.. „Обоснованіе интуитивизма“, гл. VII, а также мое „Введеніе въ философію“, стр. 256—259.

[2]) Такъ построена система Липпса въ его „Основахъ логики“.

[3]) Послѣдовательное и замѣчательное примѣненіе этой мысли дано въ брошюрѣ Ф. Эргардта „Der Satz vom zureichenden Grunde als Princip des Schliessens“. Зигвартъ въ своей „Логикѣ“ также вступаетъ на этотъ путь, но еще не достаточно опредѣленно.

III. Критика гносеологическихъ выводовъ.

Ученіе о томъ, что умозаключенія позволительны только о нашихъ представленіяхъ, проф. Введенскій выводитъ изъ своей разсмотрѣнной выше теоріи умозаключеній, присоединяя сюда еще утвержденіе, что законъ противорѣчія есть законъ только для представленій, а для мышленія онъ только норма. Однако, выше показано, что умозаключенія основаны не на законѣ противорѣчія. Кромѣ того, въ статьѣ «Основательно ли Новое и легкое доказательство философскаго критицизма?» я указалъ на безвыходныя для теоріи проф. Введенскаго затрудненія, связанныя съ ученіемъ о неподчиненности мышленія закону противорѣчія (напр., какъ проф. Введенскій мыслитъ о мышленіи, не согласованномъ съ представленіями? Журн. Мин. Нар. Просв., стр. 188—190). Такимъ образомъ ограниченіе умозаключеній лишь сферою представленій не обосновано. Но этого мало; въ той же статьѣ показано, что если даже принять ученіе проф. Введенскаго о законѣ противорѣчія, все же изъ него вытекаетъ только, что все познаваемое должно быть представимымъ, но этимъ еще не доказано, что всѣ предметы знанія суть *душевныя* явленія.

Чтобы имѣть право на это утвержденіе, нужно опровергнуть такихъ противниковъ, какъ, напр., интуитивизмъ, согласно которому содержаніемъ внѣшняго воспріятія служитъ подлинный транссубъективный міръ, а не мой психическій процессъ, только кажущійся мнѣ транссубъективнымъ. Согласно этой теоріи значительная часть знаній о транссубъективномъ мірѣ получается вовсе не путемъ умозаключеній, а прямо изъ опыта путемъ созерцанія.

Борьбѣ съ моею теоріею, съ интуитивизмомъ, посвящены многія страницы «Логики» проф. Введенскаго. Главныхъ возраженій въ ней три. Первое изъ нихъ, повидимому, самое важное, потому что проф. Введенскій часто возвращается къ нему въ своей книгѣ (см. напр., стр. 272, 445), таково: интуитивизмъ вноситъ противорѣчіе въ понятіе истиннаго бытія, такъ какъ оно оказывается сразу и нашимъ представленіемъ и независимымъ отъ представленій (272).

На дѣлѣ такого противорѣчія въ интуитивизмѣ нѣтъ. Согласно моей теоріи, представленіе сложено всегда изъ двухъ сторонъ:

изъ акта представленія и содержанія представленія, т.-е. того, что́ представлено (какое-либо В). Когда я наблюдаю паденіе камня, къ области акта представленія относится, напр., напряженіе вниманія, а къ области содержанія (видимое) паденіе камня. Первая сторона представленія есть индивидуально-психическій процессъ, *зависимый* отъ наблюдающаго субъекта, а вторая сторона (въ случаѣ внѣшняго воспріятія, напр., паденія камня) есть *бытіе, независимое* отъ познающаго субъекта, присоединяющееся къ кругозору его сознанія, лишь поскольку на него направлено вниманіе субъекта [1]). Кто не различилъ субъективной и объективной стороны представленія, тотъ, зная, что въ сложномъ представленіи (а+В) есть несомнѣнно субъективная (психическая) сторона (а), ошибочно переноситъ свойства субъективной стороны на объективную (на В) и полагаетъ, будто весь составъ представленія слагается изъ психическихъ процессовъ (напр., зная, что вниманіе есть психическій процессъ, мы ошибочно воображаемъ, будто и все, на что вниманіе направлено, обязано быть психическимъ) [2]). Мною это различеніе произведено; слѣдовательно, мои разсужденія не содержатъ въ себѣ quaternio terminorum, въ которомъ проф. Введенскій упрекаетъ меня на стр. 278 своей книги.

Второе противорѣчіе, находимое проф. Введенскимъ въ интуитивизмѣ, состоитъ въ томъ, что «истинное бытіе здѣсь *не* составляетъ предмета, изучаемаго математикой и естествознаніемъ, а въ то же время *составляетъ* тѣ самыя данныя опыта, которыя изучаются математикой и естествознаніемъ» (стр. 272). Какъ проф. Введенскій пришелъ къ мысли, что у меня есть такое противорѣчіе, мнѣ непонятно. Изъ предыдущаго ясно, что, по моей теоріи, наблюдаемое паденіе камня есть матеріальный процессъ *внѣшняго* міра, и самъ этотъ процессъ, благодаря тому, что онъ сталъ содержаніемъ моего наблюденія, служитъ предметомъ математическаго естествознанія. Противорѣчіе можно

---

[1]) Отсюда ясно, въ какомъ искаженномъ видѣ предстаетъ моя теорія, когда проф. Введенскій (на стр. 276) приводитъ изъ моей статьи цитату: „представленіе о вещи есть не что иное, какъ сама вещь, само истинное бытіе“.... и ставитъ многоточіе, пропуская конецъ фразы, гдѣ добавлено указаніе на субъективную (психическую) сторону представленія (актъ сравниванія).

[2]) Важнѣйшія заблужденія, возникающія вслѣдствіе такого переноса, перечислены въ моемъ „Введеніи въ философію“ (стр. 249—251).

сюда внести, если сдѣлать недопустимую при критикѣ смѣсь изъ теорій проф. Введенскаго и моихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отожествляя, какъ это дѣлаетъ проф. Введенскій, понятіе сознаваемаго (содержанія сознанія) и психическаго, т.-е. полагая, что все ставшее имманентнымъ сознанію должно быть имманентнымъ *психической* жизни субъекта сознанія, приходится разсуждать такъ: наблюдаемое паденіе камня есть субъективный психическій процессъ, служащій предметомъ изслѣдованія, а само транссубъективное паденіе камня есть матеріальный процессъ, подлежащій вѣдѣнію метафизики, если такая наука возможна. Это разсужденіе, обязывающее признать двѣ науки для паденія камня, основано на удвоеніи предмета (допущеніи психическаго паденія камня и матеріальнаго паденія камня), которое самымъ рѣшительнымъ образомъ изгоняется интуитивизмомъ.

Изъ данныхъ мною разъясненій видно, до какой степени неправъ проф. Введенскій, считая мою теорію психологистическою. Особенно странное впечатлѣніе производитъ ссылка (стр. 15) въ противовѣсъ мнѣ на Гуссерля, какъ критика психологизма. Какъ извѣстно, Гуссерль подвергаетъ психологизмъ разрушительной критикѣ, показывая, что логическое есть не психическое, а принадлежитъ къ царству идей (къ сферѣ безвременнаго бытія). Очевидно, что не проф. Введенскій можетъ использовать книгу Гуссерля для борьбы противъ меня, а я; мнѣ естественно ссылаться на нее, чтобы вскрывать психологизмъ въ теоріи проф. Введенскаго.

Третій доводъ противъ интуитивизма заключается въ критикѣ пути, которымъ интуитивизмъ образуетъ понятіе транссубъективнаго міра. Въ статьѣ «Основательно ли Новое и легкое доказательство философскаго критицизма?» я говорю, что для установленія этого понятія нужны не умозаключенія, а простое различеніе данныхъ опыта: «наблюдая такія данныя, какъ хотѣнія, чувства удовлетворенія или неудовлетворенія и т. п., съ одной стороны, и качанія маятника, движенія облака, свистъ паровоза, съ другой стороны, онъ на основаніи непосредственно усматриваемаго различія называетъ первую группу данныхъ своимъ субъективнымъ міромъ, а вторую группу—транссубъективнымъ міромъ, въ такой же мѣрѣ не нуждаясь при этомъ въ умозаключеніяхъ, какъ и тотъ, кто, наблюдая множество цвѣтовъ,

относитъ одни цвѣта къ группѣ оттѣнковъ краснаго цвѣта, а другіе—къ группѣ оттѣнковъ голубого цвѣта» (Журн. Мин. Нар. Просв., 1909 г. іюль, стр. 182).

Приведя эту цитату, проф. Введенскій говоритъ, что я голословно повторилъ спорную мысль, такъ какъ примѣненіе названія транссубъективный къ представленіямъ «обозначаетъ, что представленія *уже считаются* частью транссубъективнаго міра, т.-е. истиннымъ бытіемъ, что они *уже отожествлены* съ послѣднимъ, а мы еще не получили отвѣта, по какому праву произведено такое отожествленіе» (стр. 278).

Въ этомъ своемъ возраженіи проф. Введенскій упускаетъ изъ виду самую сущность моихъ разсужденій, конечно, слишкомъ кратко намѣченную въ полемической статьѣ, бѣгло характеризующей основную мысль моихъ главныхъ сочиненій. Моя теорія, подобно теоріи Шуппе, а также теоріи Авенаріуса (развитой имъ не въ «Критикѣ чистаго опыта», а въ «Человѣческомъ понятіи о мірѣ» [1]), есть возрожденіе наивнаго реализма (вѣрнѣе, согласно замѣчанію Шуппе, такія теоріи возрождаютъ въ наивномъ реализмѣ его реализмъ, освобождаясь отъ его наивности). Я утверждаю, что, анализируя составъ сознанія, я непосредственно различаю два рода содержаній сознанія: одни (напряженіе вниманія, желанія и т. п.) непосредственно воспринимаются, какъ зависимыя отъ Я, именно какъ состоянія моего Я, а другія (качанія маятника, свистъ паровоза, дерево) также непосредственно воспринимаются, какъ нѣчто не связанное съ Я зависимостью отъ него, т.-е. не какъ состояніе Я. Эти различенія столь же непосредственны, какъ тѣ, благодаря которымъ мы относимъ зеленый цвѣтъ къ листу березы, а бѣлый къ стволу ея. Сказать, будто я голословно повторяю спорную мысль, это значитъ игнорировать мою ссылку на *фактическія различія* между содержаніями сознанія, служащія *единственнымъ* источникомъ для понятія транссубъективнаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, что можно противопоставить моему разсужденію. Безъ сомнѣнія, самъ проф. Введенскій, какъ и всѣ люди, а не одни только интуитивисты, считаетъ деревья и т. п., принадлежащими къ транссубъективному міру, но только прибавляетъ, что это «кажущійся» транссубъективный міръ. Теперь настаетъ

---

[1]) Перев. Самсонова.

очередь для интуитивиста подвергнуть своего противника допросу, на какомъ основаніи онъ считаетъ наблюдаемый внѣшній міръ, вопреки очевидности, не внѣшнимъ, а внутреннимъ, не матеріальнымъ, а психическимъ (такъ что видимое дерево есть психическое дерево, осязаемая твердость есть психическая твердость и т. п.).

Всѣмъ извѣстенъ длинный рядъ доводовъ, заимствуемыхъ изъ физики, физіологіи органовъ чувствъ, психологіи и т. п. и служащихъ будто бы достаточнымъ основаніемъ, чтобы истолковать наблюдаемые транссубъективные матеріальные процессы, какъ субъективные психическіе. Извѣстно также, что вслѣдъ за этими доводами является тяжелая задача объяснить, какъ возможно, чтобы субъектъ эти свои психическія состоянія проецировалъ, транссубъективировалъ и т. п. Но раньше, чѣмъ допустить построеніе этихъ необычайно искусственныхъ теорій, мы остановимъ своего противника и потребуемъ критическаго пересмотра шаблонныхъ доводовъ противъ наивнаго реализма. При этомъ возможны два случая: возможно, что нашъ противникъ открыто ссылается на эти доводы (физики, физіологіи и т. п.), слѣдовательно, строитъ свою гносеологію на физіологіи, психологіи и притомъ на основаніи *генетическаго* изслѣдованія; самый этотъ методъ считается сомнительнымъ въ современной гносеологіи (и проф. Введенскій не можетъ открыто и сознательно пользоваться имъ, такъ какъ требуетъ, чтобы гносеологія была независимою отъ другихъ наукъ, кромѣ логики); но хуже всего, по-моему, не то, что здѣсь гносеологія опирается на физику и физіологію, а то, что она дѣлаетъ выводы, *не обоснованные* фактами, подмѣченными физикою и физіологіею.

Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно показать, что факты связи между физіологическою дѣятельностью органовъ чувствъ и вступленіемъ воспринимаемой вещи въ кругозоръ сознанія, не служатъ безспорнымъ доказательствомъ субъективности наблюдаемой вещи [1]).

Возможно, однако, что нашъ противникъ скажетъ: я нигдѣ въ своей гносеологіи не ссылаюсь на доводы противъ наивнаго реализма, заимствованные изъ физіологіи и т. п., я иду путемъ чисто гносеологическаго изслѣдованія и опираюсь, строя гносеологическіе выводы, только на свою систему логики. Такова

---

[1]) См. мое „Введеніе въ философію“ стр. 51—59, 237—241.

именно конструкція гносеологическихъ выводовъ проф. Введенскаго. Однако, вступивъ на этотъ оригинальный путь, проф. Введенскій упустилъ изъ виду слѣдующее: теперь, отказавшись отъ компрометирующей помощи физики, физіологіи и т. п., нельзя сохранять традиціонные взгляды, усвоенные подъ вліяніемъ физики и физіологіи, именно нельзя, какъ это дѣлаетъ проф. Введенскій (стр. 267), считать представляемое—субъективнымъ (кажущимся транссубъективнымъ) *только потому, что оно представляемое*.

Характеръ спора между интуитивистомъ (также наивнымъ реалистомъ) и такимъ противникомъ можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ: одинъ собесѣдникъ (интуитивистъ) говоритъ: «2 + 2 = 4», а другой возражаетъ: «нѣтъ, это *кажущееся* четыре, на самомъ дѣлѣ оно не четыре, а пять» (видимое дерево есть кажущійся матеріальный транссубъективный міръ, на дѣлѣ оно есть субъективный психическій міръ). «Докажите, что 2 + 2 = 4». Когда въ отвѣтъ на это требованіе первый собесѣдникъ начинаетъ присчитывать къ двумъ—двѣ единицы (т.-е. прибѣгаетъ къ ссылкѣ на *непосредственное созерцаніе* отношенія 2 + 2 = 4), то второй ему отвѣчаетъ: «вы голословно повторяете спорную мысль, вамъ не удалось опровергнуть очевидную истину, высказываемую мною, что 2 + 2 есть пять». Нетрудно рѣшить, которая изъ спорящихъ сторонъ дѣйствительно только голословно высказываетъ свое мнѣніе.

Итакъ, если даже согласиться съ ученіемъ проф. Введенскаго о законѣ противорѣчія, какъ законѣ только для представленій (для содержанія представленій), все же отсюда только вытекаетъ, что достовѣрное знаніе возможно лишь о представляемыхъ вещахъ (т.-е. вещахъ, поскольку онѣ могутъ вступать въ кругозоръ сознанія), но не доказано, что эти представляемыя вещи суть субъективные психическіе процессы.

Вспомнимъ, однако, что въ разсматриваемой «Логикѣ» тѣ же гносеологическіе выводы получаются также и другимъ путемъ, черезъ ученіе объ апріорныхъ сужденіяхъ. Подвергнемъ критикѣ этотъ путь, употребляя вмѣсто слова «апріорныя сужденія» слово «высшіе принципы науки», чтобы терминами не предрѣшать вопроса.

Началомъ этого пути служитъ «центральный пунктъ всей логики» (стр. 130), именно ученіе о томъ, что *общія* синтети-

ческія сужденія не могутъ быть оправданы *непосредственно*. Эту мысль проф. Введенскій доказываетъ тѣмъ, что нельзя пересмотрѣть безконечное или неопредѣленно большое число предметовъ (стр. 116). Такой доводъ кажется абсолютно убѣдительнымъ, если мы не освободились *отъ психологизма*. На самомъ же дѣлѣ, чтобы установить непосредственно истину «2 + 2 = 4», мнѣ не нужно *пересматривать* всѣ орѣхи, зерна и т. п., сосчитываніе которыхъ приводитъ къ этому результату, мнѣ нужно только *одинъ* разъ совершить *психическій* актъ созерцанія, направленнаго на нѣчто непсихическое, именно на *идеи* 2 + 2 = 4, чтобы установить упомянутую истину. Кто строитъ логику безъ помощи гносеологіи, именно безъ предварительнаго анализа состава сознанія, тотъ смѣшиваетъ субъективную (психическую) и объективную (въ данномъ случаѣ идеальную) сторону сужденія, т.-е. не отличаетъ психическій актъ *думанія* о четырехъ отъ самой *идеи* четыре, *имѣемой въ виду* посредствомъ этого думанія; зная единичность своего психическаго акта обсужденія, такой представитель логики воображаетъ, будто и предметъ обсужденія единиченъ; иными словами, здѣсь совершается упомянутый уже выше ошибочный переносъ свойствъ субъективной (психологической) стороны знанія на объективную.

Считая доказаннымъ, что общія синтетическія сужденія не могутъ быть установлены непосредственно, проф. Введенскій приходитъ изложеннымъ выше путемъ къ утвержденію, что въ основѣ опосредствованнаго знанія математики и естественныхъ наукъ лежатъ принципы, которые никакъ доказаны и оправданы быть не могутъ, но должны быть приняты въ составъ этихъ наукъ, (если мы ихъ признаемъ науками), такъ какъ *пригодны* къ тому, чтобы служить высшими основаніями. Пригодность ихъ для этой цѣли обезпечена лишь въ томъ случаѣ, если всѣ предметы математики и естествознанія *покоряются* имъ; но принципы математики и естествознанія, разсуждаетъ проф. Введенскій (на стр. 371), суть наши мысли, слѣдовательно, и покорять себѣ они могутъ «только наши же мысли, наши представленія о бытіи или вещахъ, но отнюдь не само истинное бытіе» (если истинное бытіе подчинено закону противорѣчія). Въ этомъ второмъ важнѣйшемъ пунктѣ гносеологіи опять передъ нами не логически необходимый выводъ, а скачекъ, основанный на догматической привычкѣ субъективировать все мыслимое. Въ самомъ

дѣлѣ, тотъ, кто различаетъ актъ мышленія (т.-е. субъективно-психическую сторону мышленія) и *содержаніе* мышленія (объективную сторону его), возразитъ проф. Введенскому такъ: принципы науки суть не наши мысли, а то, на что̀ направлено наше мышленіе, то, что̀ *имѣется въ виду* нашимъ актомъ мышленія; при этомъ актъ мышленія есть мое психическое состояніе, т.-е. зависитъ отъ меня, а то, что̀ имѣется въ виду посредствомъ этого акта (принципъ), не зависитъ отъ меня, принадлежитъ *къ составу* транссубъективнаго міра и *господствуетъ* надъ предметами этого міра, какъ важнѣйшій конститутивный элементъ ихъ.

Итакъ, по-прежнему соглашаясь съ тѣмъ, что принципы и предметы, подчиненные принципамъ, должны вступать (хотя бы временно) въ кругозоръ сознанія познающаго индивидуума, я въ этомъ обстоятельствѣ не вижу и тѣни доказательства того, что они должны при этомъ становиться *моими психическими* состояніями.

IV. Полемика проф. Введенскаго.

Многія страницы книги проф. Введенскаго посвящены полемикѣ, которая становится особенно страстною, когда рѣчь идетъ о метафизикѣ. Можно рѣшительно утверждать, что система логики въ изложеніи проф. Введенскаго имѣетъ не самостоятельное значеніе, а низведена на степень *средства* уничтожить метафизику, какъ науку [1]).

Метафизика и ея защитники представляются проф. Введенскому чаще всего въ самыхъ низменныхъ чертахъ, какъ неискренніе, лживые болтуны (напр., стр. 42—49). По мнѣнію проф. Введенскаго, возможно, что нѣкоторые виды метафизики суть порожденіе дьявола (это положеніе включено даже въ печатную программу для экзамена, стр. 15). «Нѣтъ ничего невозможнаго, что антихристъ объявитъ себя величайшимъ мистикомъ, безпрерывно находящимся въ столь же близкомъ прямомъ внутреннемъ единеніи съ Богомъ, какъ и Христосъ; а чтобы въ антихристѣ не разобрали самозванца, дьяволу надо заранѣе пропитать человѣчество мистицизмомъ»... «Разумѣется, особенно охотно дьяволъ старается сдѣлать мистиками-мистицистами людей глубоко

[1]) По мнѣнію проф. Введенскаго, многократно заявляемому въ книгѣ, критицизмъ *навсегда* уничтожилъ метафизику, какъ науку.

и искренно религіозныхъ и въ то же время высоко-талантливыхъ, въ родѣ Влад. Соловьева: ихъ вліяніе на другихъ особенно важно для грядущаго антихриста» (стр. 284). На стр. 285 проф. Введенскій доказываетъ, что «убѣжденіе въ объективномъ значеніи мистическаго воспріятія явно отрицается евангельскимъ ученіемъ». Есть у проф. Введенскаго и другое соображеніе, съ противоположнаго конца, отпугивающее отъ метафизики, какъ науки. Инквизиція, религіозныя войны «все это возникало подъ вліяніемъ распространенной среди представителей схоластики мысли, будто бы твердыя религіозно-метафизическія убѣжденія служатъ знаніемъ, и поэтому даютъ право государству принуждать подданныхъ къ исполненію требованій, выведенныхъ изъ этихъ убѣжденій. Рѣшеніе вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія нравственно обязательно для современной науки, и тѣмъ обязательнѣе, чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ принципъ государственности» (стр. 49).

Многія мѣста книги поражаютъ своимъ аггрессивнымъ тономъ (см., напр., стр. 24, 42, 191 сл.; на стр. 484—494 старыя ошибочныя ученія о силлогизмѣ даже въ заглавіяхъ обозначены, какъ «выдумки» и т. п.). Особенно непріятно встрѣчать пренебрежительное третированіе нѣкоторыхъ серьезныхъ проблемъ, поставленныхъ современною гносеологіею и методологіею наукъ. Въ этомъ отношеніи характерны замѣчанія проф. Введенскаго, направленныя противъ понятія исторіи, какъ *идіографической* науки (стр. 90 сл.).

Въ полемикѣ противъ меня есть одно мѣсто, потрясшее меня до глубины души невнимательнымъ отношеніемъ критика къ тому, противъ чего онъ выступаетъ. Въ «Обоснованіи интуитивизма» я утверждаю (стр. 297 сл. во второмъ изданіи), что фактъ множественности причинъ не доказанъ, и привожу слѣдующіе два довода: во-первыхъ, если взять дѣйствіе во всей его конкретной полнотѣ, то причиною его можетъ служить только «абсолютно индивидуальный комплексъ событій», а, во-вторыхъ, если взять дѣйствіе въ абстрактной формѣ, напр., фактъ повышенія температуры тѣла съ 20 до 25 градусовъ, то возможно, что разнообразныя условія такого факта (треніе, въ одномъ случаѣ, химическая реакція—въ другомъ случаѣ и т. п.) «заключаютъ въ себѣ *одну и ту же общую сторону*, составляющую настоящую причину нагрѣванія» (298). Проф. Введенскій

(на стр. 210 своей «Логики») приводитъ только первый мой доводъ и опровергаетъ его слѣдующимъ образомъ: «вѣдь когда говорятъ, что нагрѣваніе обладаетъ множественностью причинъ, то отнюдь не высказываютъ этимъ, чтобы при всякомъ отдѣльно взятомъ нагрѣваніи дѣйствовали *сразу* всѣ эти причины, но утверждаютъ только, что при *одномъ* нагрѣваніи можетъ встрѣтиться одна изъ нихъ, при *другомъ*—другая и т. д.». Въ серьезной философской литературѣ мнѣ не случалось встрѣчать опроверженій такого типа.

Въ той же главѣ своей книги (207—214) проф. Введенскій подвергаетъ критикѣ мои соображенія о прогрессивныхъ и регрессивныхъ умозаключеніяхъ условно-категорическаго силлогизма (отъ основанія къ слѣдствію и отъ слѣдствія къ основанію). Основная задача моихъ соображеній слѣдующая: показать, что связь причины и дѣйствія *однозначна* какъ прогрессивно (одна и та же причина всегда производитъ одно и то же дѣйствіе), такъ и регрессивно (одно и то же дѣйствіе всегда получается изъ одной и той же причины); показать, что связь основанія и слѣдствія (если подъ слѣдствіемъ разумѣть *полное* слѣдствіе, вытекающее изъ даннаго основанія) также однозначна и прогрессивно, и регрессивно; наконецъ, установить важное для многихъ наукъ (напр., для исторіи) методологическое положеніе, что регрессивное изслѣдованіе (отъ дѣйствій къ причинамъ) *равноцѣнно* съ прогрессивнымъ изслѣдованіемъ, чего не можетъ допустить защитникъ множественности причинъ.

Къ сожалѣнію, это *методологическое* ученіе я выразилъ неправильно, какъ это я признаю теперь отчасти подъ вліяніемъ критики проф. Введенскаго; именно я высказалъ его, какъ *логическое* ученіе о возможности четырехъ модусовъ. Въ дѣйствительности, хотя основаніе и полное слѣдствіе связаны однозначно какъ въ прогрессивномъ, такъ и въ регрессивномъ направленіи, все-же говорить о четырехъ модусахъ нельзя, потому что изъ формы сужденія не видно, выражаетъ ли предикатъ его полное слѣдствіе изъ даннаго основанія (изъ субъекта) или нѣтъ. Сдѣланная мною въ концѣ изслѣдованія оговорка въ пользу традиціонной логики (стр. 300), вызвавшая язвительныя замѣчанія проф. Введенскаго («Логика, какъ часть теоріи познанія», 213), показываетъ, что въ моихъ разсужденіяхъ важна и цѣнна была для меня методологическая сторона, а логическая

терминологія, въ которую я облекъ свои мысли, здѣсь не играетъ существенной роли [1]).

Замѣчу во избѣжаніе недоразумѣній, что ученіе объ однозначности связи *полнаго* слѣдствія съ основаніемъ, нисколько не подрывается примѣрами неоднозначной связи, приведенными проф. Введенскимъ (на стр. 204 сл.): «если данный четырехугольникъ есть квадратъ, то его діагонали равны между собою» и «если $x = 1$, то $2x^4 - 15x^3 + 40x^2 - 45x + 18 = 0$» (тотъ же результатъ получается и при x, равномъ 2, 3 или $^3/_2$). Въ этихъ примѣрахъ передъ нами находятся основаніе и *неполное* слѣдствіе; стоитъ только въ достаточной мѣрѣ усложнить слѣдствіе или, наоборотъ, выразить болѣе абстрактно основаніе и связь становится однозначною. Такъ, въ положеніи «если данный четыреугольникъ есть квадратъ, то двѣ діагонали его равны, взаимно перпендикулярны и дѣлятъ другъ друга пополамъ» дана связь основанія и слѣдствія, однозначная въ регрессивномъ направленіи.

---

1) Утвержденіе, будто я пришелъ къ этимъ ученіямъ подъ вліяніемъ М. И. Владиславлева, совершенно невѣрно. Въ студенческіе годы я развивалъ ихъ подъ вліяніемъ лейбниціанскаго представленія о мірѣ, какъ совокупности субстанцій (монадъ), развитіе которыхъ имѣетъ индивидуальный характеръ и не содержитъ въ себѣ повтореній. Впослѣдствіи я нашелъ въ пользу этихъ мыслей соображенія, независимыя отъ метафизики Лейбница.—Взгляды М. И. Владиславлева мнѣ были извѣстны, но въ процессѣ философской работы, каюсь, я всегда забывалъ о нихъ, должно быть, потому, что сочиненія Владиславлева, какъ всѣмъ извѣстно, содержатъ изрядное количество невѣроятныхъ безвкусицъ. Забвеніе такихъ непріятныхъ явленій есть одно изъ защитныхъ приспособленій духа, какъ это выяснилъ вѣнскій психіатръ Фрейдъ.—Посылки условно-категорическаго силлогизма я называю большею и меньшею вслѣдствіе однородности строенія этихъ силлогизмовъ съ первою и второю фигурою (что установлено, напр., Зигвартомъ).